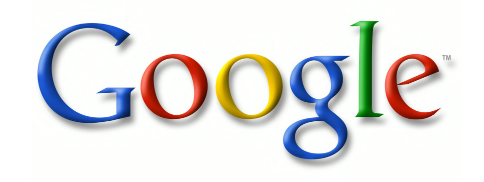

ETEV, SERGEI
OMINANIIA.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Шереметевъ С.

ВОСПОМИНАНІЯ

1853—1861.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин.,
1898

ВОСПОМИНАНІЯ

1853—1861.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1898

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 сентября 1897 г.

III.

1853 — 1857.

Мы переѣхали на лѣто на Петергофскую дорогу, на Ульянку. Кромѣ воспитателя, француза Mr. Rouget, съ нами переѣхалъ и помощникъ его, курляндскій нѣмецъ изъ Газенпота, Юлій Ѳедоровичъ Гренингъ (Julius Grening). Онъ еще осенью 1852 года перебрался изъ Москвы въ Петербургъ, но на самомъ дѣлѣ началъ жить съ нами только на Ульянкѣ, лѣтомъ 1853 года. Его обязанности состояли главнымъ образомъ въ преподаваніи музыки.

Первый воспитатель мой французъ Rouget (Константинъ Ивановичъ) оставался при мнѣ съ 1853 по 1858 годъ. Онъ родился въ Россіи и по русски говорилъ какъ русскій. Его отецъ

нѣкогда служилъ въ grande armée и, взятый въ плѣнъ въ 1812 году, навсегда остался въ Россіи. Мать его старуха переѣхала съ нимъ въ нашъ домъ. Рекомендовалъ его П. Ѳ. Апрѣлевъ черезъ своего пріятеля Петра Дмитріевича Норова, жившаго въ своемъ домѣ на Большой Конюшенной.

Сначала я смотрѣлъ на Руже враждебно и долго не прощалъ ему разлуки съ Шарлотой Ивановной, но мало-по-малу сталъ привыкать. Онъ преподавалъ хорошо, но не былъ педагогомъ уже потому, что былъ необыкновенно вспыльчивъ. Впрочемъ онъ много занимался со мною, и ему я многимъ обязанъ.

Совсѣмъ иного склада и иного темперамента былъ Юлій Ѳедоровичъ Гренингъ. Скромный музыкальный „outchitel“ — прожилъ онъ два года въ Покровскомъ у двоюродныхъ братьевъ Василія и Сергѣя Алексѣевичей Шереметевыхъ, ничѣмъ не заявивъ своихъ педагогическихъ способностей. Онъ давалъ также уроки музыки Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметевой и княжнамъ Щербатовымъ и въ качествѣ преподавателя

музыки сдѣлался въ Москвѣ извѣстенъ моему отцу. Всѣ его въ семействѣ нашемъ знали, какъ сентиментальнаго и обидчиваго курляндца. Отцу онъ нравился тѣмъ, что игралъ на фортепіано не дурно; отецъ не разъ бывало, когда въ уединеніи своемъ начиналъ хандрить или тосковать, приглашалъ его развлечь себя музыкою.

Къ сожалѣнію, къ обидчивости Ю. Ѳ. Грепинга слѣдуетъ прибавить необычайную наивность, переходящую границы возможнаго и скудость знаній. Съ самаго начала оба ментора стали другъ къ другу враждебно, что продолжалось до самаго конца ихъ сожительства. Не могу сказать, чтобы мнѣ было веселѣе отъ этого постояннаго соперничества.

Съ другой стороны положеніе усложнялось уже тѣмъ, что съ самаго почти начала Rouget своею безтактностью возбудилъ противъ себя моего отца. Не понимая его характера, онъ при своей вспыльчивости и горячности сразу сталъ относиться враждебно и подозрительно ко всякому вмѣшательству отца моего въ воспитаніе. Это была большая ошибка и тѣмъ

болѣе, что мягкостью пріемовъ онъ легко съумѣлъ бы привлечь отца къ уступчивости. Этимъ настроеніемъ при всей своей простотѣ съумѣлъ воспользоваться Ю. Ѳ. Гренингъ: ему отецъ болѣе довѣрялъ. Такимъ образомъ дѣло воспитанія должно было страдать отъ недостатка единства и системы.

Насколько не посчастливилось мнѣ съ воспитателями, настолько удачны были за немногими исключеніями мои учителя. Назову ихъ. Законоучитель протоіерей Петръ Александровичъ Сперанскій, родомъ костромичъ, началъ служеніе свое заграницей при посольской церкви нашей въ Неаполѣ еще при извѣстномъ королѣ „Il re Bomba“ и при посланникѣ нашемъ графѣ Хребтовичѣ. Впослѣдствіи сдѣлался онъ извѣстнымъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ во время ея путешествія и пребыванія въ Италіи (Palermo), когда онъ и сдѣлался ея духовникомъ. Потомъ его перевели въ Петербургъ въ придворное духовенство, а впослѣдствіи, уже послѣ кончины императора Николая, онъ всякій разъ сопровождалъ го-

сударыню заграницу и былъ съ нею въ Ниццѣ, Киссингенѣ и Брюккенау. Это былъ человѣкъ отлично образованный, доступный, привѣтливый и рѣдкой души. Я скоро полюбилъ его искренно и навсегда остаюсь ему благодаренъ за его заботы обо мнѣ и за его сердечное расположеніе. Это былъ вѣрный человѣкъ, къ которому я могъ обращаться съ полною откровенностью и который не разъ поддерживалъ меня въ крутое время. Кончина его (въ 1866 г.) была для меня невознаградимою потерею. Какъ законоучитель, въ первое время онъ мнѣ казался недостаточно доступнымъ, но съ каждымъ годомъ его можно было цѣнить все болѣе и болѣе. Съ нимъ пріятно было проводить время и внѣ урока, благодаря его занимательному разговору и веселости. Онъ любилъ посидѣть и потолковать за чашкою чая, гулялъ съ нами по рощѣ и уѣзжалъ изъ Ульянки всегда поздно вечеромъ. Часъ его урока неизмѣнно былъ отъ 4 до $5^1/_2$ вечера.

Преподавателемъ русскаго языка и словесности и русской исторіи былъ Михаилъ Петровичъ

Мосягинъ, прекраснѣйшій человѣкъ и отличный преподаватель. Онъ давалъ множество частныхъ уроковъ; всюду и вездѣ онъ былъ любимъ, а со мною занимался съ самаго начала, почти до производства моего въ офицеры, и скончался въ 1862 году. Онъ такъ съумѣлъ пріохотить меня, что я изъ кожи лѣзъ, чтобы заслужить у него хорошую отмѣтку. Особенно пріятны были съ нимъ уроки русской исторіи. Онъ читалъ мнѣ исторію по Устрялову. Учебникъ этотъ, хотя и пространный, Мосягинъ дополнялъ подробностями и карандашемъ отмѣчалъ эти дополненія въ книгѣ. Урокъ заключался въ слѣдующемъ: сначала онъ мнѣ самъ читалъ, а вслѣдъ затѣмъ я обязанъ былъ повторить все то, что я отъ него слышалъ. Это обязывало меня слушать со вниманіемъ. Къ слѣдующему уроку я долженъ былъ ему приготовить письменное изложеніе имъ прочитаннаго, по прочтеніи коего я вновь повторялъ ему все заданное. По окончаніи урока онъ также не прочь былъ посидѣть, особенно на Ульянкѣ, и часто ходилъ съ нами въ лѣсъ.

Мосягинъ отлично читалъ, въ особенности Гоголя. Слушать его было наслажденіемъ. Съ П. А. Сперанскимъ онъ познакомился у меня, и какъ хорошіе люди, они очень полюбились другъ другу. Мосягинъ давалъ два урока въ недѣлю русской словесности и одинъ урокъ русской исторіи. Съ Руже и Гренингомъ онъ умѣлъ ладить, такъ же какъ и П. А. Сперанскій. Служилъ онъ подъ верховнымъ начальствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго въ Коммерческомъ училищѣ и былъ очень преданъ старику доктору Самуилу Филипповичу Гимеру, бывшему у насъ въ Москвѣ домовымъ врачемъ и пользовавшемуся особымъ расположеніемъ моего отца.

Преподавателемъ математики былъ Павелъ Николаевичъ Голицынскій. Онъ отличался мягкостью пріемовъ. О себѣ вообще говорилъ онъ мало; только иногда жаловался на превратность судьбы, упоминалъ о лишеніяхъ и скитаніяхъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ училъ въ домѣ дяди С. С. Шереметева и занимался воспитаніемъ находившихся у него подъ опекою родственниковъ его первой жены, ур. кн.

[illegible] Державинымъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] неудивительно.

[illegible] математикѣ [illegible] приготовительныхъ были [illegible] математикъ. Вооружась я [illegible] книгой Мейера Гирша, [illegible] для уразумѣнія истинъ стереометріи, [illegible] у Бюшета и у Вега для отысканія логариѳмовъ, потомъ снова возвращались мы къ задачамъ, за [illegible] «repetitio est mater studiorum», и все таки еле-еле подвигался я въ уразумѣніи великихъ истинъ.

Преподавателемъ чистописанія былъ Лагусенъ Иванъ Ивановичъ, какъ и слѣдуетъ быть нѣмцу. Онъ давалъ уроки Великимъ Князьямъ, сыновьямъ Цесаревича и жилъ въ Petri Schule, въ домѣ Лютеранской церкви. Добрѣйшій былъ

онъ человѣкъ и аккуратнѣйшій. Давалъ онъ списывать прекрасныя прописи и считалъ меня хорошимъ ученикомъ, такъ что даже для примѣра показывалъ мой почеркъ. Особенно настойчиво требовалъ онъ всегда, когда я писалъ гусинымъ перомъ, „чтобы раскепъ ровно раздался“, и очень ловко подчищалъ ошибки сандаракомъ.

Рисованію училъ меня академикъ Николай Ивановичъ Тихобразовъ, талантливый художникъ, получившій большую медаль въ Академіи и отправленный въ Италію для усовершенствованія, но тамъ онъ, подобно многимъ изъ собратій, принося обильныя жертвы Вакху, почти совершенно бросилъ живопись. Не знаю, какъ попалъ онъ въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ. Ко мнѣ его рекомендовалъ, сколько помнится, И. И. Лагузенъ. Свои итальянскія привычки онъ не покидалъ вполнѣ и на сѣверѣ; не разъ давалъ онъ мнѣ уроки на первомъ и даже на второмъ взводѣ. Тогда садился онъ за фортепіано и всегда подпѣвалъ:

Черный цвѣтъ — мрачный цвѣтъ,
Какъ люблю я тебя...

[illegible] для меня были [illegible] уроки танцованія. Мой [illegible] и [illegible] Mr. [illegible] Mr. Auguste. [illegible] фамиліи не [illegible] уроки [illegible] были особенно [illegible]. [illegible] приходилось [illegible] Екатеринославскій балетмейстеръ [illegible] Mr. Le [illegible] учившему [illegible]. Сама она очень интересовалась этими уроками, такъ какъ въ молодости [illegible] танцовала балетные танцы. Меня заставляли [illegible] pas de bourrée, pas grave, assemblées, [illegible], sauts de basques, учили [illegible] и не выучили порядочно ни [illegible] ни [illegible]. Auguste былъ постоянно мной [illegible] и ставилъ дурныя отмѣтки.

Музыкою занимался я [illegible] съ Ю. Ѳ. Греннингомъ. Купили мнѣ фортепіано въ Москвѣ на фабрикѣ Stürzwage. Фортепіано это до сихъ поръ еще цѣло. Я не могъ не любить музыки и желалъ хорошо играть. Греннингъ задался мыслью сдѣлать изъ меня виртуоза,

который бы давалъ концерты и прославилъ бы его имя! Онъ не обращалъ вниманія на тѣ пьесы, которыя я охотно игралъ и которыя просилъ играть. Онъ наперекоръ давалъ часто то, что мнѣ не нравилось. Гораздо позднѣе, когда я отказался разучивать Гуммеля, онъ понялъ, что изъ меня піаниста не выйдетъ и не могъ мнѣ этого простить. Хотя я очень былъ лѣнивъ и не усидчивъ, все же, мнѣ кажется, что Ю. Ѳ. не такъ взялся, какъ бы слѣдовало. Моя игра однажды такъ понравилась Гензельту, что онъ пришелъ на другой день ко мнѣ и спѣшилъ познакомиться съ Гренингомъ, но тутъ же понялъ свое недоразумѣніе.

Мало-по-малу къ этимъ учителямъ присоединились другіе, когда уже опредѣлилось, что меня готовятъ къ университету. Физику мнѣ преподавалъ Ѳ. Ѳ. Эвальдъ, латинскій языкъ—Г. И. Лапшинъ. Но о нихъ впереди.

Первоначальные уроки всеобщей исторіи, географіи и французскаго языка взялъ на себя Руже. Объ этихъ урокахъ я сохранилъ хорошее

воспоминаніе. По нѣмецки говорилъ я съ Гренингомъ, за то англійскій языкъ началъ мало-по-малу забывать за отсутствіемъ практики.

Татьяна Васильевна знакомилась со всѣми учителями, съ иными сходилась и даже дружилась. Она особенно любила Руже, Мосягина, Сперанскаго, Лагузена и Тихобразова. Любила она сидѣть у меня во время уроковъ и всегда внимательно вслушивалась. Только не могла она переварить Гренинга.

Жизнь въ Ульянкѣ, начиная съ 1853 года, сложилась слѣдующимъ образомъ: вставалъ я часовъ въ 7, черезъ полчаса пилъ кофе въ саду, по обыкновенію на скамейкѣ подъ дубомъ, у самаго балкона Татьяны Васильевны. Прогулки совершались „по чину“ съ Руже или съ Гренингомъ небольшія вокругъ пруда. Потомъ начинались уроки отъ 9—12. Затѣмъ „рекреація“ до часу, когда подавали обѣдъ. Съ дѣтства и почти до поступленія въ полкъ я обѣдалъ въ часъ и одинъ. Въ 3 часа снова начинались уроки до 6 или позднѣе. Затѣмъ пили чай; опять прогулка въ

саду, въ 9 часовъ ужинъ, а въ 10 ложился спать. Въ Петербургѣ тѣже часы, только прогулки совершались разъ въ день отъ 12 ч. до часу, а вечеромъ отъ 8 — 9 бывали приготовленія, въ особенности къ математикѣ. Прогулки мои въ Ульянкѣ съ моими менторами не разъ служили поводомъ къ взаимному между ними неудовольствію. Приходилось ладить съ обоими и стараться не раздражать ихъ взаимной щепетильности и въ особенности обидчивости Гренинга.

Петергофская дорога, нѣкогда модная, уже въ 50-хъ годахъ совершенно опустѣла, хотя сравнительно съ тѣмъ, что она теперь, еще могла бы казаться оживленною. Въ 50-хъ годахъ еще жили на своей дачѣ Огаревы (семейство генералъ-адъютанта), нынѣ тамъ Путиловскій заводъ. У знаменитаго нѣкогда „краснаго кабачка“ жила Екатерина Сергѣевна Баташева. Я еще засталъ „Красный кабачекъ“ до пожара, уничтожившаго все строеніе. Насупротивъ долго держалась вывѣска съ годомъ

основанія. Это мѣсто историческое по ночлегу императрицы Екатерины II въ 1762 году.

Около дачи умалишенныхъ (бывшей дачи кн. Щербатовыхъ) жили зажиточные колонисты, на дачѣ Крутикова (бывшая графа Брюса) жило много дачниковъ, въ томъ числѣ оригинальная чета Безцѣнныхъ, англичане Андерсонъ жили на сосѣдней съ нами дачѣ (бывшая Воронцова). По другую сторону за церковью и церковными дачами (бывшими графа Головина) жили каждое лѣто наши малолѣтніе пѣвчіе. Домъ этотъ и тогда весьма ветхій теперь совершенно развалился. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что пріютилъ только что вернувшагося изъ ссылки Сперанскаго. За дачами Блессига и Инсарскаго (Василія Антоновича), человѣка близкаго графу Степану Ѳедоровичу Апраксину, была дача Ильиныхъ, и до сихъ поръ сохранилась она какимъ-то чудомъ. Это патріархальное семейство Ильиныхъ состояло изъ многихъ братьевъ и сестеръ и почтенной старушки, матери ихъ Екатерины Васильевны. Она была дружна съ Татьяной Васильевной Шлыковой.

За Красносельскимъ шоссе сейчасъ шла дача княгини Любомірской, толстой барыни изъ купеческой семьи Комковыхъ, а за нею тотчасъ же земли графа Кушелева, бывшія дачи Петра Ампліевича Шепелева, и графа Буксгевдена село Лигово. 50-е и 60-е годы были блестящимъ временемъ для Лигова. За „Соломеннымъ кабачкомъ“ находились: всегда пустая дача графини Протасовой, англичанина Чидсона (бывшая Н. С. Мордвинова) съ сохранившимся доселѣ скучнымъ сѣренькимъ домикомъ, дача Матисена, длинная одноэтажная постройка съ мезониномъ, Мятлевская красивая дача, потомъ „Павлино“ Віельгорскихъ и фонъ-Моллеръ, уже у самой Сергіевой пустыни, рядомъ со швейцарскими затѣями Павла Матвѣевича Толстого скромная дача Полозовой. Теперь все это уже перешло въ другія руки.

Когда еще не было Петергофской желѣзной дороги, всѣ сады этихъ дачъ, расположенныхъ вдоль шоссе, заканчивались сплошнымъ лѣсомъ, который такимъ образомъ занималъ довольно большое пространство, доходя до Лиговскаго

канала и соединяясь съ большими Кушелевскими лѣсами. Даже въ мое время было довольно глухо около Лиговскаго канала, хотя при мнѣ уже рубили лѣса на сосѣдней дачѣ Андерсона. Вдоль Лиговки были сторожки, обитатели которыхъ не пользовались хорошей репутаціей, что сильно дѣйствовало на мое воображеніе. Для меня было лучшимъ удовольствіемъ ходить въ лѣсъ за „домикъ" и даже за „мостикъ"; это были тѣ два предѣла, за которые мои менторы неохотно меня водили. Дѣйствительно, за „мостикомъ" становилось глухо; сплошной и густой лѣсъ, большею частью еловый, тянулся до самой границы имѣнія—мѣсто было грибное. Наслажденіемъ бывало, когда позволяли туда проникнуть; ноги вязнутъ во мху, изъ за котораго то и дѣло выглядываютъ красныя шапки подосиновиковъ или жирные маслята. Весело бывало пробираться сквозь чащу и уходить далеко, далеко отъ глазъ наблюдательныхъ, за что мнѣ не рѣдко и доставалось.

Когда начали строить желѣзную дорогу, —

пошли рубить лѣса. На нашей землѣ еще держались опи довольно долго, но пришла и имъ очередь. Теперь и не узнаешь этихъ мѣстъ.

Свѣтлымъ лучомъ представляется мнѣ Петергофъ и лучшимъ воспоминаніемъ этого времени были для меня поѣздки въ Старый Петергофъ на дачу принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Поѣздки эти начались еще въ 1853 году при Шарлотѣ Ивановнѣ. Не могу забыть страннаго приключенія, относящагося къ этому отдаленному времени. Ѣхали мы съ Шарлотой Ивановной въ Петергофъ, по обыкновенію въ большой каретѣ, имѣя на козлахъ неуклюжаго и безтолковаго лакея Арнаутовскаго (Этотъ Арнаутовскій съ моей матерью ѣздилъ за границу въ 1842 г. Онъ скоро ей такъ падоѣлъ своей безтолковостью, что она вернула его обратно въ Россію). На Стрѣльнинскомъ мосту встрѣтили мы стадо коровъ. Нашъ кучеръ, не обращая вниманія, въѣхалъ прямо въ средину стада, мы почувствовали довольно сильный толчекъ, а вслѣдъ за этимъ кучеръ погналъ лошадей вдвое ско-

рѣе. Почти около Знаменскаго замѣтили мы за собою погоню. Верхомъ насъ догоняютъ, и неизвѣстный господинъ приказываетъ кучеру нашему ѣхать шагомъ. Затѣмъ онъ слѣзъ съ лошади и, ведя ее въ поводу, пошелъ рядомъ съ каретой и объявилъ намъ, что съ насъ слѣдуетъ штрафъ за то, что на Стрѣльнинскомъ мосту задавили его корову, а потому онъ не оставитъ насъ, пока мы не заплатимъ ему за убытки! Напрасно было ему говорить, что съ нами нѣтъ денегъ, что все будетъ доставлено, чтобы только онъ отпустилъ насъ въ Петергофъ. Назвали мы принца Ольденбургскаго, къ которому ѣхали, но и это не помогло. Такъ въ сопровожденіи неотвязчиваго провожатаго дотащились мы до Петергофской заставы шагомъ. Здѣсь почему-то онъ сѣлъ на лошадь и мы поѣхали рысью. Онъ проводилъ насъ до самой дачи принца Ольденбургскаго. Въ тотъ же вечеръ заплатили мы ему за убытки, а деньги, кажется, ссудила намъ сама принцесса, которая очень забавлялась этой исторіей.

Первое время ѣзжалъ я къ Ольденбургскимъ по зову, но потомъ принцесса сказала, что приглашаетъ меня разъ навсегда каждое воскресенье. Такъ въ теченіе многихъ лѣтъ не пропускалъ я ни одного воскреснаго дня. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою въ Петербургѣ каждую недѣлю бывалъ я у Ольденбургскихъ. Принцесса имѣла обыкновеніе перебираться раннею весною на свою Каменноостровскую дачу. Когда же становилось потеплѣе, она переѣзжала въ Петергофъ. Прекрасная дача ея въ Старомъ Петергофѣ съ фермой и морскимъ павильономъ на берегу Финскаго залива дорога мнѣ по многимъ лучшимъ воспоминаніямъ моей ранней молодости. Но объ этомъ впереди.

Очень мнѣ памятно время восточной войны 1853 — 1856 годовъ. Приходилось слушать самые разнорѣчивые толки о дѣйствовавшихъ войскахъ и объ успѣхахъ союзниковъ, а больше всего нападковъ на Россію и на все русское. Воспитатель мой Руже, хотя и родился въ Россіи, былъ ярый бонапартистъ и нисколько

не скрывалъ своихъ сочувствій къ французамъ за все время войны. Кто не слѣдилъ тогда за политикой и за военными дѣйствіями? Учителя мои только о томъ и говорили, въ особенности П. А. Сперанскій, горячій патріотизмъ котораго меня утѣшалъ и поддерживалъ. Татьяна Васильевна, постоянная читательница С.-Пб. Вѣдомостей, теперь не выпускала ихъ изъ рукъ, особенно внимательно слѣдила она за дѣйствіями и рѣчами Наполеона, но всего болѣе ее озабочивалъ Пальмерстонъ. Извѣстіе о высадкѣ союзниковъ въ Крыму дошло до насъ въ Ульянкѣ. Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ привезъ эту свѣжую новость за обѣдомъ у отца — онъ любилъ пріѣзжать съ новостями, и помню, какъ всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ. Такъ узнали и о Синопскомъ боѣ, а тамъ стали приходить все дурныя извѣстія. Всѣ бранили Меншикова и радовались назначенію князя Горчакова, за то какъ были рады при извѣстіяхъ о первыхъ успѣхахъ, о Синопѣ, Башъ-Кадыкларѣ и Ахалцихѣ. Пахимовъ, Корниловъ, Андрониковъ, Бебутовъ — имена

ихъ были на языкѣ у каждаго. Много встревожило было обитателей прибрежья Финскаго залива появленіе сэра Чарльза Непира съ англійскимъ флотомъ, но его выходки и печальное отступленіе подали поводъ къ безчисленнымъ насмѣшкамъ. По рукамъ ходило множество стиховъ на Пальмерстона, Непира, Наполеона и пр., большею частью весьма посредственныхъ. Особенный успѣхъ имѣли стихи Опочинина:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Въ театрахъ пѣлись чухонскія пѣсни — жалобы чухонца, ограбленнаго англичанами. Всѣ повторяли ее и распѣвали. Она начинаясь такъ:

Лайба былъ моя не пустъ
Какъ я плылъ на Тавасгустъ

и куплетъ кончался припѣвомъ:

Юмала, юмала
Я маймистъ изъ Хейнола!

Каждый вечеръ, въ особенности зимою, всѣ занимались выщипываніемъ корпіи для раненыхъ. Кто бы могъ тогда подумать, что эта масса заготовленной корпіи не дойдетъ до своего назначенія и что корпія—именно всего менѣе окажется пригодной для раненыхъ. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ безотраднѣе становилось на душѣ отъ дурныхъ вѣстей изъ Севастополя, на которомъ сосредоточено было все вниманіе. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались и читались депеши съ театра войны и среди всѣхъ этихъ тяжкихъ заботъ и думъ, въ самый разгаръ страшной рѣзни, какъ громовой ударъ разнеслась по всей Россіи вѣсть о кончинѣ императора Николая! Только недавно еще узнали о его болѣзни; только что начали молиться во всѣхъ церквахъ о его выздоровленіи. Отецъ, по общему примѣру, заказалъ заздравный молебенъ въ нашей домовой церкви, но вотъ пріѣзжаетъ Юлія Васильевна Шереметева съ вѣстью о кончинѣ императора. Молебенъ смѣняется панихидой. Пошли безконечные толки о болѣзни его и смерти; слышались необыкновен-

ныя толки, заговорили о докторѣ Мандтѣ, о довѣріи, которымъ онъ пользовался у государя, объ образѣ его лѣченія и пр.

Я помню день его похоронъ, слышу раскаты бѣглаго огня съ Петропавловской крѣпости. Пѣшкомъ возвращаюсь я по Фонтанкѣ домой. У Цѣпного моста долетаютъ до меня слова городового: „похоронили и шабашъ"!

Едва только предали землѣ тѣло императора Николая, какъ градомъ на него посыпались упреки.

Вздохнули свободнѣе и съ надеждою обратились къ его преемнику. Меня никогда не увлекали нападки на императора Николая, но потоки обвиненій были такъ же неудержимы, какъ пламененъ и искрененъ былъ порывъ къ обновленію. Время показало, сбылись ли ожиданія, и безпристрастная исторія воздаетъ каждому по дѣламъ его; а многое забытое и не признанное въ императорѣ Николаѣ быть можетъ воскреснетъ съ памятью объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Война не переставала. Все больше и больше падало жертвъ, все сильнѣе лились потоки крови, а Севастополь нашъ стоялъ, какъ могучій богатырь среди множества враговъ! Наступилъ августъ мѣсяцъ 1855 года. Помню, какъ возвращались мы отъ обѣдни въ Ульянкѣ; иду я съ Руже, навстрѣчу намъ служитель нашъ Боронинъ: онъ подходитъ къ намъ съ таинственнымъ видомъ и говоритъ: „Севастополь взятъ"! Я долго не хотѣлъ вѣрить, но тутъ же узналъ достовѣрно, что войска наши перешли на Сѣверную сторону. Тяжело стало при мысли, что все кончено. Еще не зналъ я подробностей и о спокойномъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ бухту. Я не могъ удержаться отъ слезъ. Помню, какъ вошла ко мнѣ Татьяна Васильевна, и, видя меня въ такомъ положеніи, и ничего не зная, обратилась вопросительно къ Руже. „Патріотизмъ страдаетъ", отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой. Меня передернуло отъ этого отвѣта.

1855 годъ мнѣ памятенъ и дорогъ пребываніемъ въ Петербургѣ бабушки Варвары Пет-

ровны, пріѣхавшей снаряжать и провожать сыновей своихъ на войну. При первомъ призывѣ ко всеобщему ополченію старшій дядя мой Василій Сергѣевичъ сталъ въ ряды и получилъ въ командованіе дружину. Меньшой дядя Борисъ Сергѣевичъ поступилъ къ нему подъ начальство въ Волоколамское ополченіе. Третій братъ ихъ дядя Сергѣй Сергѣевичъ вступилъ въ Кіевскій гусарскій полкъ принца Лейхтенбергскаго ординарцемъ къ главнокомандующему князю Горчакову въ Севастополь. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и учавствовалъ въ сраженіи при Черной. Тяжело было бабушкѣ разставаться разомъ со всѣми сыновьями. Она прожила эту зиму на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Паскова. Съ нею вмѣстѣ была ея внучка Варвара Алексѣевна, братъ которой Василій Алексѣевичъ также отправился въ походъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ Царство Польское, а второй братъ Сергѣй Алексѣевичъ уже находился на Кавказѣ при Н. Н. Муравьевѣ. Здѣсь же въ домѣ Паскова познакомился я съ докторомъ,

жившимъ у бабушки и пріѣхавшимъ тогда изъ Москвы. То былъ Левъ Карловичъ Эйсымонтъ.

Странно признаться, что я дичился и даже боялся бабушки, которой не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ. Въ моемъ одиночествѣ, вдали отъ семьи, я какъ-то отвыкъ отъ нея, и несмотря на это все же мнѣ было легко и отрадно, когда я бывалъ у бабушки, и я не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ.

1856 годъ, годъ коронаціи, былъ знаменательнымъ и однимъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни моего отца. Глубоко и искренно, „по старинѣ“ преданный царямъ, онъ во всю жизнь свою не искалъ, да и не въ состояніи былъ искать какого-либо придворнаго положенія. Онъ никогда не былъ ни свѣтскимъ, ни честолюбивымъ и всего менѣе придворнымъ человѣкомъ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Николая отецъ мой во дворецъ не ѣздилъ — государь не прощалъ ему прежде всего его отставки изъ флигель-адъютантовъ, хотя назначилъ его впослѣдствіи камергеромъ. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ неизмѣнно вы-

казывалъ отцу моему сочувствіе и оказалъ ему даже одну большую услугу. Отецъ не забылъ этой услуги и во всю жизнь сохранялъ къ покойному государю чувство самой горячей преданности. Его восхищало благодушіе его, сердечная доброта и мягкость пріемовъ, напоминавшихъ ему Александра I. Сколько разъ и съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ разсказывалъ отецъ, какъ призванъ онъ былъ къ государю, вскорѣ по восшествіи его на престолъ, вмѣстѣ со всѣми бывшими флигель-адъютантами императора Николая; какъ государь, взволнованный и со слезами на глазахъ, благодарилъ ихъ за прежнюю службу, называлъ товарищами и наконецъ каждому изъ нихъ подарилъ свой портретъ съ подписью: „старому товарищу", и портретъ этотъ, какъ святыня, сохранялся отцемъ и висѣлъ неизмѣнно передъ письменнымъ столомъ его. И когда отецъ объ этомъ разсказывалъ, онъ самъ волновался.

Начались толки о коронаціи, хлопотали о приготовленіяхъ. Въ это самое время отецъ

получилъ извѣщеніе, что государь и императрица желаютъ провести недѣлю передъ коронаціей и говѣть въ Останкинѣ. Отецъ былъ въ восхищеніи и всю заботу обратилъ на то, чтобы принять царя какъ слѣдуетъ по семейнымъ преданіямъ.

Принимать и угощать кого бы то ни было было лучшимъ удовольствіемъ для отца. Гостепріимство его было не напускное, а родовое. Пріемъ государя былъ для него великою, искреннею радостью. Онъ ничего не пожалѣлъ, чтобы привести нѣсколько запущенное Останкино въ должный видъ и самъ заблаговременно переѣхалъ въ Москву.

Нужно было видѣть, какъ радовалась Татьяна Васильевна, что отцу выпадаетъ случай такъ же принимать царя, какъ нѣкогда принимали его предшественниковъ въ Останкинѣ и въ Кусковѣ.

Я остался на Ульянкѣ съ Татьяной Васильевной со слабою надеждою видѣть Москву, о которой только и было рѣчи. Но когда я положительно узналъ, что мнѣ не придется

туда ѣхать, мнѣ стало грустно, хотя я и успокоился на мысли, что о всѣхъ подробностяхъ коронаціи узнаемъ изъ газетъ. Пожалѣлъ я только, что не придется мнѣ видѣть бабушку, которая постоянно и часто писала ко мнѣ.

Вскорѣ стали до насъ доходить всѣ подробности о пребываніи государя въ Останкинѣ и о коронаціи. Особенно наслаждалась ими Татьяна Васильевна. Отецъ получилъ первую ленту и званіе гофмейстера. И этимъ также она была очень довольна.

Когда отецъ вернулся, жизнь наша опять вступила въ обычную колею, не очень разнообразную, но къ которой я успѣлъ за нѣсколько лѣтъ вполнѣ привыкнуть. Во время пребыванія на Ульянкѣ, какъ и зимою, церковная жизнь составляла одно цѣлое и неразрывно связывалась съ обычнымъ строемъ жизни. Пѣвчіе жили на церковной дачѣ, а Ломакинъ въ одной изъ сосѣднихъ дачъ съ своимъ семействомъ. Отецъ продолжалъ слѣдить за спѣвками и распредѣлялъ пѣніе во время богослуженія, исключительно подготавли-

ваясь къ особеннымъ торжественнымъ днямъ. Къ такимъ днямъ нужно причислить 5-е іюля, 1-е августа, 21-е сентября, 28-е августа праздникъ Петра митрополита. Въ эти дни бывало соборное служеніе и обѣдъ человѣкъ на 50 и болѣе. Въ день моихъ именинъ приглашался обыкновенно мой духовникъ П. А. Сперанскій. 21-го сентября бывало нерѣдко архіерейское служеніе: пріѣзжалъ тогдашній викарій Христофоръ, впослѣдствіи епископъ Вологодскій, котораго особенно почитала Татьяна Васильевна. Служилъ иногда и епископъ Игнатій, тогда еще архимандритъ Сергіевой пустыни—въ міру Брянчаниновъ. Но самое главное торжество происходило 1-го августа—это „Кусковскій праздникъ!" всякій разъ напоминала Татьяна Васильевна. Послѣ обѣдни шли крестнымъ ходомъ черезъ садъ къ особо устроенной на пруду Іордани. Стройное и величественное пѣніе хора, многочисленное духовенство въ богатыхъ ризахъ, толпа народу, множество гостей—и все заканчивалось трапезой для всего духовенства и для гостей. Отецъ

бывалъ особенно счастливъ и доволенъ, когда торжество справлялось чинно и безъ всякихъ неправильностей, по строгому церковному уставу.

Торжественно праздновали и храмовой праздникъ день, 28-го августа, св. митрополита Петра. Въ этотъ день отецъ давалъ обѣденный завтракъ въ домѣ священника отца Стефана Нечаева, ульянскаго старожила. Всѣ мы принимали участіе въ этомъ завтракѣ, на которомъ былъ обязательно „попадьинъ пирогъ!“ Часть гостей оставалась у о. Стефана до глубокой ночи; много бывало въ этотъ день духовенства ради соборнаго служенія.

Весельчакъ, толстѣйшій и добродушнѣйшій о. діаконъ Сергіевскаго артиллерійскаго собора, что на Литейной, о. Баранскій былъ постояннымъ гостемъ этого дня. Разъ онъ черезчуръ ужъ засидѣлся на Ульянкѣ у о. Стефана—до утренней зари. Всѣ ужъ разъѣхались, а онъ въ блаженномъ настроеніи духа продолжалъ распѣвать во всеуслышаніе своимъ густымъ и звучнымъ басомъ:

Жаль разстаться, распрощаться!..

и какъ его ни уговаривали, онъ продолжалъ свое.

На другой день отецъ съ удовольствіемъ объ этомъ разсказывалъ и говорилъ на „здоровье“. Онъ очень любилъ этого о. Баранскаго, который былъ и прекрасный человѣкъ и отличный дьяконъ. Онъ служилъ замѣчательно хорошо и особенно внушительно читалъ Евангеліе.

Въ эти торжественные дни пріѣзжали изъ Петербурга всѣ служащіе въ конторѣ, управители, архитекторы, архиваріусы и пр. Все это сонмище являлось на Ульянку для поздравленія и для нихъ былъ обѣдъ съ немалыми возліяніями. Этотъ обычай крѣпко держался и послѣ освобожденія крестьянъ.

Ближайшими сосѣдями и постоянными прихожанами церкви Петра митрополита были Ильины. Почтенное и многочисленное семейство жило на своей прекрасной дачѣ, окружая заботами своими старушку мать Екатерину Сергѣевну Ильину, женщину стараго, крѣпкаго

закала, съ которою Татьяна Васильевна сошлась и сдружилась съ давнихъ поръ. У нея было нѣсколько уже немолодыхъ дочерей и сыновей и множество внучатъ; но любимцемъ ея и полнымъ хозяиномъ дома былъ сынъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ильинъ. Отецъ очень его уважалъ и всегда разсказывалъ съ умиленіемъ, какъ трогательно было видѣть, когда этотъ уже далеко не молодой и казавшійся суровымъ человѣкъ подводилъ свою мать къ причастію, какимъ онъ окружалъ ее почетомъ и предупредительностью. Эта почтенная среда служила образцомъ патріархальнаго быта крѣпкой дружной семьи. Еще ближе къ намъ жили Инсарскіе, на своей собственной дачѣ. Старикъ Василій Антоновичъ Инсарскій былъ близкимъ человѣкомъ графу Стефану Ѳеодоровичу Апраксину, бывшему при отцѣ командиру Кавалергардскаго полка.

Около Ульянки живали каждое лѣто и Безкарниловичи, семья Надежды Александровны, рожденной княжны Долгорукой, и Ломакины. Во флигелѣ въ саду жилъ постоянно старикъ

докторъ Рейнгольдъ Эмилій Ивановичъ. Несмотря на преклонные года, онъ былъ страстный охотникъ. Бывало, по цѣлымъ днямъ пропадалъ онъ съ своей любимой собакой—Немвродомъ, но такъ какъ руки у него дрожали, то онъ рѣдко возвращался съ дичью.

Порядокъ, заведенный на Ульянкѣ, никогда не мѣнялся. По праздникамъ всѣ у насъ обѣдали—Инсарскіе, Ломакины, Безкорниловичи, Натаровы, Грумъ-Гржимайло, Н. О. Апрѣлевъ, князь Николай Александровичъ Долгорукій, исправникъ, становой. Иногда бывали и мои учителя, старый докторъ Гимеръ, никого уже не лѣчившій и обладавшій изумительнымъ аппетитомъ, духовенство въ большомъ числѣ, бывалъ петербургскій генералъ-губернаторъ Шульгинъ, котораго отецъ охотно угощалъ любимымъ его виномъ „château Larose“, бывала и братія Сергіевой Пустыни, послушникъ Павелъ Петровичъ Яковлевъ и другіе.

Послѣ обѣда неизмѣнно музыка; пѣли, играли на фортепіано, но карточныхъ столовъ не бывало никогда.

Такъ проходилъ годъ за годомъ, пока не наступилъ 1857 годъ, круто измѣнившій весь порядокъ въ домѣ.

Зиму по обыкновенію неизмѣнно проводили въ Петербургѣ, куда переѣзжали въ концѣ сентября и даже въ октябрѣ.

Зимнимъ развлеченіемъ были для меня вечернія собранія у великихъ князей, куда меня приглашали по воскреснымъ днямъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я, бывало, 3-хъ часовъ дня, когда обыкновенно пріѣзжалъ придворный лакей съ приглашеніемъ на вечеръ къ $5^1/_2$ часамъ. Бывало ждешь этого дня цѣлую недѣлю.

Когда подходило давно желанное время, меня облекали въ гусарскую куртку, сажали въ карету и отправляли во дворецъ. Гусарская куртка введена была для всѣхъ посѣщающихъ эти вечера для однообразія формы, потому что великіе князья носили также эти куртки. Это было введено императоромъ Николаемъ.

Великіе князья Николай, Александръ и Владиміръ Александровичи занимали тогда

половину Зимняго дворца, нѣкогда комнаты императрицы Екатерины II, окнами на площадь и на Милліонную, а потому мы всѣ пріѣзжали съ Комендантскаго подъѣзда.

Ровно въ 5½ часовъ мы всѣ были на лицо и ожидали появленія великихъ князей, возвращавшихся съ обѣда. Насъ было довольно много. Тутъ бывали Козловъ (Павелъ), два Мейндорфа, А. Олсуфьевъ, два Адлерберга, трое Барятинскихъ, А. Ламбертъ, Толстой, Опочининъ, Юрьевичъ, двое Дадіановыхъ (позднѣе), кромѣ нихъ бывали всегда два принца Ольденбургскихъ и двое герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Въ первые годы насъ было меньше, за то бывали приглашаемы кадеты разныхъ корпусовъ

Великіе князья приходили ровно въ 6 часовъ, а въ 9 часовъ сановитые воспитатели, генералы Гогель и Казнаковъ заявляли о прекращеніи игръ, причемъ, обращаясь къ великимъ князьямъ, они повторяли обычную лаконическую фразу: „прощайтесь съ гостьми“. Тогда они уходили къ государю, а мы еще оставались въ ожиданіи своихъ менторовъ.

Вечера эти начались въ царствованіе императора Николая, во время Крымской войны, и продолжались при покойномъ государѣ до 60-хъ годовъ. Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ уже тогда совершенно отдѣленъ отъ братьевъ и жилъ въ такъ называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ. Собранія продолжались еще и послѣ того, и всѣ собирались къ великому князю Александру Александровичу. Съ назначеніемъ новыхъ воспитателей, графа Б. А. Перовскаго и др., прекращены были и эти собранія.

Въ первые годы еще при императорѣ Николаѣ всѣ мы находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій; настроеніе было воинственное. Государь нерѣдко приходилъ къ великимъ князьямъ и принималъ иногда дѣятельное участіе въ играхъ, присутствовалъ при смѣнѣ карауловъ, игралъ въ мячъ и т. п. Помню его появленіе вмѣстѣ съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Всѣ бросались на него и обступали его очень развязно, и его, видимо, это забавляло.

Въ первые годы собранія у великихъ князей доставляли большое удовольствіе. Всѣ веселились просто и безъ всякой задней мысли. Особенно любилъ я игру такъ называемую бомбардированіе, когда всѣ раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ одни занимали деревянное укрѣпленіе, устроенное въ залѣ (брустверъ), другіе осаждали его, бросая крѣпкіе резиновые мячи. Изъ-за укрѣпленія отвѣчали тѣмъ же, и это было истинное побоище. Я выбиралъ себѣ особую позицію, изъ-за которой меня мало было видно. Заслоненный деревянною горою, я усердно помогалъ осаждающимъ, ибо съ этой стороны не ожидали нападенія. Мячи хорошо попадали въ цѣль. Резиновые шары отъ частаго употребленія твердѣли и превращались въ окаменѣлые, такъ что получить такой мячъ въ високъ или въ глазъ представлялось серьезнымъ.... Между бойцами были и такіе, которые настойчиво желали выбить противника изъ строя, въ истинномъ смыслѣ слова. Особенно опаснымъ могъ быть великій князь Николай Николаевичъ.

Помню, какъ попалъ онъ въ лицо молодому Якову Ламберту и чуть не надломилъ ему носа!

Цесаревичъ Николай, позднѣе уже совсѣмъ отдѣленный, не принималъ въ этихъ играхъ участія и только проходилъ черезъ комнаты, возвращаясь къ себѣ отъ государя.

Грустно начинался для меня 1857 годъ. 11-го февраля, послѣ долгой и мучительной болѣзни (водяная), скончалась бабушка Варвара Петровна, окруженная всѣми дѣтьми, многими внучатами и родными. Еще въ 1856 году во время коронаціи она чувствовала себя дурно. За многіе годы скорби и утратъ Господь даровалъ ей насладиться и передъ смертью семейнымъ счастьемъ и покоемъ. Сыновья вернулись съ войны невредимыми, дядя Сергѣй Сергѣевичъ женился тогда на Софьѣ Михайловнѣ Муравьевой, къ великой ея радости. Внучка ея Варвара Алексѣевна радовала ее своею красотою и напоминала ей собственную ея блестящую молодость. Тетушка Елизавета Сергѣевна, только что овдовѣвъ, вернулась домой и была съ нею,

теперь она всѣ силы свои посвятила на уходъ за матерью. При Варварѣ Петровнѣ былъ вѣрный и старый другъ ея докторъ Карлъ Карловичъ Пфель. Всѣ знали, что надежды на выздоровленіе быть не можетъ и только старались окружить ее заботами и любовью. Съ непоколебимою вѣрою и христіанскимъ самоотверженіемъ, съ душою чистою и примиренною, съ благодарностью за все счастіе, дарованное ей въ жизни и безропотно преклоняясь передъ посланными ей испытаніями, она причастилась, соборовалась и тихо заснула, сидя на обычномъ своемъ креслѣ, окруженная всѣми, которыхъ горячо любила.

Прекрасныя до старости черты ея сохранились и по смерти, какъ и темная коса ея до земли безъ одного сѣдого волоса. Морщины сгладились, и она покоилась тихо и величаво—еще прекраснѣе прежняго. Я лишенъ былъ счастія видѣть ее передъ кончиною и не ясно даже помню, когда и какъ я узналъ объ этомъ. Только портретъ ея, часы дорожные моей матери и образъ, постоянно висѣв-

шій на груди ея, и присланные мнѣ съ письмомъ отъ тетушки Елизаветы Сергѣевны, оживили въ памяти моей дорогія и незабвенныя черты.

Особое значеніе имѣлъ для меня 1857 годъ. Начался онъ кончиною бабушки и окончился другимъ событіемъ, измѣнившимъ навсегда всю мою жизнь.

10-го ноября 1857 года отецъ женился на Александрѣ Григорьевнѣ Мельниковой.

Бракъ этотъ для многихъ въ домѣ былъ неожиданностью, для меня же въ особенности. Ничего подобнаго не входило мнѣ въ голову. Вотъ какимъ образомъ узналъ я объ этомъ событіи. 10-го ноября старый дядька мой Яковъ Шалинъ, причесывая меня утромъ, предупредилъ меня, что отецъ собирается жениться, но болѣе никакихъ подробностей не хотѣлъ мнѣ сообщить. Сильно пораженный этимъ извѣстіемъ, я однако же не вполнѣ ему довѣрялъ и тотчасъ же переспросилъ у своего воспитателя К. И. Руже.—„Правда ли то, что сказалъ мнѣ Шалинъ?“—Руже съ улыб-

кою непринужденно сказалъ мнѣ: „Vous allez avoir une belle maman“, и тутъ же добавилъ, что свадьба будетъ въ тотъ же вечеръ. Извѣстіе это меня совершенно озадачило, но я тотчасъ же перестал разспрашивать Руже и ушелъ въ пустую комнату.

Въ обычное послѣ обѣдни время пришла ко мнѣ Татьяна Васильевна, такая серьезная, задумчивая. Я тотчасъ же понялъ, что ей все извѣстно. Видѣлъ я, какъ Руже знаками показывалъ ей, что и мнѣ все извѣстно. Она отвела меня къ окну и стала говорить мнѣ, что я долженъ готовиться къ вечеру, что я долженъ не грустить, а быть спокойнымъ, что у меня будетъ добрая мачиха, что она знаетъ ее и многимъ извѣстно, что она предобрая и будетъ меня любить... Но слова Татьяны Васильевны звучали какъ-то странно; казалось, будто она сама еще не вполнѣ ясно отдавала себѣ отчетъ. Ни на минуту не покидало ее задумчивое озабоченное настроеніе. Тутъ пришелъ кн. Николай Александровичъ Долгорукій, отъ котораго я узналъ, что онъ будетъ по-

саженымъ отцомъ невѣсты. Не помню хорошо, какъ прошелъ весь день, только мнѣ очень хотѣлось видѣть отца и отъ него самого слышать подтвержденіе извѣстія. Кажется, въ пятомъ часу ко мнѣ пришли доложить, что отецъ зоветъ меня къ себѣ. Сердце мое сжалось, когда я пошелъ къ нему по знакомой небольшой лѣстницѣ, по которой когда-то въ дѣтствѣ ходилъ ежедневно и къ нему и къ матери. Отецъ встрѣтилъ меня у дверей, въ небольшой проходной комнатѣ, передѣланной изъ прежней дѣвичьей, около его кабинета. Когда я къ нему подошелъ, то увидалъ, что онъ былъ сильно взволнованъ. Первую минуту мы молча простояли другъ передъ другомъ... Но вотъ онъ началъ мнѣ говорить, что рѣшился жениться, что свадьба будетъ сегодня же, что невѣста его добрая, что я долженъ ее любить, но, конечно, не такъ, какъ родную мать, которую никогда не долженъ забывать. Все это онъ говорилъ отрывисто, скоро, совершенно взволнованнымъ голосомъ. Когда я поднялъ голову и взгля-

нулъ на отца, меня поразило его лицо. Слезы были на глазахъ. Онъ искалъ словъ и не зналъ, что сказать. Я не выдержалъ и заплакалъ. Тогда отецъ не могъ больше удержаться и также заплакалъ. Поспѣшно поцѣловавъ меня, велѣлъ онъ идти домой и быть готовымъ къ вечеру.

Начались приготовленія къ свадьбѣ. Въ домѣ все суетилось; всѣ лица казались какими-то торжественными. Вотъ пришелъ ко мнѣ И. О. Апрѣлевъ, въ полной формѣ, въ лентѣ и со всѣми регаліями. Ему поручено было провести меня въ церковь и указать мѣсто, на которомъ я долженъ былъ стоять во время свадьбы. Страннымъ показался мнѣ освѣщенный домъ, всѣ комнаты съ зажженными люстрами, даже до малиноваго углового кабинета.

Быстро прошли мы рядъ этихъ комнатъ; множество показывалось въ дверяхъ лицъ прислуги съ бѣлыми галстуками. Безостановочно прошли мы въ церковь и стали рядомъ у плащеницы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла моя мать. Гостей не было. Узналъ я только

Татьяну Борисовну Потемкину съ мужемъ своимъ Александромъ Михайловичемъ, онъ былъ въ мундирѣ александровскихъ временъ, въ треугольной шляпѣ съ чернымъ плюмажемъ. Они были посаженые отецъ и мать. Какъ благословили они отца, я не видалъ, только видѣлъ, какъ отецъ сталъ передъ аналоемъ посреди церкви въ ожиданіи невѣсты. За нимъ сталъ его шаферъ, въ которомъ я къ изумленію моему узналъ моего учителя математики П. Н. Голицынскаго.

Наступило молчаніе. Всѣ ожидали пріѣзда невѣсты. Т. Б. Потемкина подозвала меня и подвела къ образу св. Митрофанія, висѣвшаго тогда у самаго входа въ церковь. На этой иконѣ св. Митрофаній держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью: „Твори благо, бѣгай злаго — спасенъ будеши“. Татьяна Борисовна показала мнѣ эту надпись, сдѣлавъ краткое наставленіе, послѣ котораго я опять вернулся на свое мѣсто.

Но вотъ засуетились: дано было знать, что невѣста пріѣхала. Т. Б. Потемкина стала у

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] вошла въ переднюю и
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] вошла въ переднюю и
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Татьяну Борисовну Потемкину съ мужемъ своимъ Александромъ Михайловичемъ, онъ былъ въ мундирѣ александровскихъ временъ, въ треугольной шляпѣ съ чернымъ плюмажемъ. Они были посаженые отецъ и мать. Какъ благословили они отца, я не видалъ, только видѣлъ, какъ отецъ сталъ передъ аналоемъ посреди церкви въ ожиданіи невѣсты. За нимъ сталъ его шаферъ, въ которомъ я къ изумленію моему узналъ моего учителя математики П. Н. Голицынскаго.

Наступило молчаніе. Всѣ ожидали пріѣзда невѣсты. Т. Б. Потемкина подозвала меня и подвела къ образу св. Митрофанія, висѣвшаго тогда у самаго входа въ церковь. На этой иконѣ св. Митрофаній держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью: „Твори благо, бѣгай злаго — спасенъ будеши“. Татьяна Борисовна показала мнѣ эту надпись, сдѣлавъ краткое наставленіе, послѣ котораго я опять вернулся на свое мѣсто.

Но вотъ засуетились: дано было знать, что невѣста пріѣхала. Т. Б. Потемкина стала у

всѣ встали, осматривали комнаты, а затѣмъ и разошлись.

Такъ кончился достопамятный для меня день 10-го ноября 1857 года. На слѣдующій день послѣ моего обѣда отецъ пришелъ ко мнѣ внизъ съ Александрой Григорьевной, которая была чрезвычайно со мною ласкова и подарила цѣлую коробку „карамелей". 14-го ноября праздновали мое рожденіе, опять мнѣ подарки: малахитовый presse-papier, что меня удивило, потому что я не былъ пріученъ къ подаркамъ. Вскорѣ я не только привыкъ къ Александрѣ Григорьевнѣ, но и привязался къ ней. Она же все становилась любезнѣе и привѣтливѣе.

Между тѣмъ родные мои дяди и тетки, посѣщавшіе меня, не могли скрыть понятнаго глубокаго огорченія не столько при извѣстіи о бракѣ отца, сколько отъ того, что отецъ не далъ имъ знать о своей свадьбѣ, не пригласилъ ихъ, словомъ, какъ бы избѣгалъ.

Между тѣмъ графиня Александра Григорьевна продолжала меня баловать и все болѣе и болѣе обо мнѣ заботилась. Вскорѣ послѣ

свадьбы она принесла мнѣ браслетъ, принадлежавшій моей матери. На немъ былъ вензель А. съ царскою короной. Браслетъ этотъ былъ подаренъ императрицей моей матери въ день моихъ крестинъ. Мало-по-малу и Татьяна Васильевна стала веселѣе; съ нею также обходились крайне ласково и предупредительно. Скоро всѣ заговорили о добротѣ и объ умѣ графини Александры Григорьевны. Дѣйствительно, образъ дѣйствій ея и обхожденіе не оставляли желать ничего лучшаго.

всѣ встали, осматривали комнаты, а затѣмъ и разошлись.

Такъ кончился достопамятный для меня день 10-го ноября 1857 года. На слѣдующій день послѣ моего обѣда отецъ пришелъ ко мнѣ внизъ съ Александрой Григорьевной, которая была чрезвычайно со мною ласкова и подарила цѣлую коробку „карамелей". 14-го ноября праздновали мое рожденіе, опять мнѣ подарки: малахитовый presse-papier, что̀ меня удивило, потому что я не былъ пріученъ къ подаркамъ. Вскорѣ я не только привыкъ къ Александрѣ Григорьевнѣ, но и привязался къ ней. Она же все становилась любезнѣе и привѣтливѣе.

Между тѣмъ родные мои дяди и тетки, посѣщавшіе меня, не могли скрыть понятнаго глубокаго огорченія не столько при извѣстіи о бракѣ отца, сколько отъ того, что̀ отецъ не далъ имъ знать о своей свадьбѣ, не пригласилъ ихъ, словомъ, какъ бы избѣгалъ.

Между тѣмъ графиня Александра Григорьевна продолжала меня баловать и все болѣе и болѣе обо мнѣ заботилась. Вскорѣ послѣ

и входящихъ дѣлъ, при чемъ главнымъ и серьезнѣйшимъ дѣломъ всего чаще считалось обработываніе своихъ личныхъ интересовъ, при полномъ и безукоризненномъ соблюденіи малѣйшихъ оттѣнковъ чинопочитанія и формальностей. Самыя ничтожныя бумаги, какъ, напримѣръ, присылка въ распоряженіе мое ассигнованныхъ мнѣ 10 рублей въ мѣсяцъ, сопровождались оффиціальною бумагою за пятью подписями!..

Въ описываемое время такими выдающимися дѣльцами-тріумвирами являлись ***). Одновременно пользовался тогда особеннымъ довѣріемъ отца главный поваръ или, вѣрнѣе, нашъ maître d'hôtel Дюсо (Dussaux). Онъ былъ братъ извѣстнаго содержателя ресторана на Большой Морской. Незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе онъ проникалъ въ довѣріе и своимъ вліяніемъ совершенно подкашивалъ тріумвировъ. Въ хозяйствѣ онъ мало смыслилъ, но умѣлъ ловко воспользоваться довѣрчивостью отца, въ особенности во время приготовленій къ встрѣчѣ государя въ Останкинѣ въ 1856 году.

IV.

1857—1861.

Управленіе по всѣмъ вотчиннымъ дѣламъ сложнаго хозяйства нашихъ имѣній сосредоточивалось въ Главной канцеляріи, которая впослѣдствіи переименована была въ Главную контору. Это было цѣлое министерство съ департаментами, экспедиціями и всевозможными столами; въ немъ привитало великое множество дѣльцовъ, столоначальниковъ, экзекуторовъ, повытчиковъ, дѣлопроизводителей, письмоводителей, подчинявшихся тріумвирату управителей подъ главнымъ начальствомъ сенатора Ивана Ѳедоровича Апрѣлева. Всѣ эти лица были выслужившіеся изъ крѣпостныхъ, ловкіе и опытные люди, утопавшіе въ чернильномъ морѣ всякихъ отношеній, инструкцій, ордеровъ, за безчисленнымъ количествомъ №№ исходящихъ

и входящихъ дѣлъ, при чемъ главнымъ и серьезнѣйшимъ дѣломъ всего чаще считалось обработываніе своихъ личныхъ интересовъ, при полномъ и безукоризненномъ соблюденіи малѣйшихъ оттѣнковъ чинопочитанія и формальностей. Самыя ничтожныя бумаги, какъ, напримѣръ, присылка въ распоряженіе мое ассигнованныхъ мнѣ 10 рублей въ мѣсяцъ, сопровождались оффиціальною бумагою за пятью подписями!..

Въ описываемое время такими выдающимися дѣльцами-тріумвирами являлись ***). Одновременно пользовался тогда особеннымъ довѣріемъ отца главный поваръ или, вѣрнѣе, нашъ maître d'hôtel Дюсо (Dussaux). Онъ былъ братъ извѣстнаго содержателя ресторана на Большой Морской. Незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе онъ проникалъ въ довѣріе и своимъ вліяніемъ совершенно подкашивалъ тріумвировъ. Въ хозяйствѣ онъ мало смыслилъ, но умѣлъ ловко воспользоваться довѣрчивостью отца, въ особенности во время приготовленій къ встрѣчѣ государя въ Останкинѣ въ 1856 году.

[illegible] Она принялась за это

дѣло скоро и не безъ настойчивости, причемъ удивила многихъ неожиданностью пріемовъ. Первымъ пострадалъ Дюсо, уволенный чуть ли не черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, на которой онъ былъ главнымъ распорядителемъ. Онъ менѣе всего ожидалъ такого оборота. Одновременно съ нимъ пострадалъ и мой воспитатель Руже, только что передъ тѣмъ женившійся на его дочери Матильдѣ. 3-го апрѣля 1858 года онъ былъ уволенъ, о чемъ я очень сожалѣлъ, потому что привыкъ къ нему и былъ ему обязанъ. Въ сущности онъ былъ хорошій человѣкъ и дѣльный воспитатель. Я остался при одномъ Ю. Ѳ. Гренингѣ, къ большому огорченію Татьяны Васильевны.

Лѣтомъ 1858 года отецъ уѣхалъ въ Москву. Я получалъ отъ него письма, а также и отъ Александры Григорьевны. Въ одномъ изъ этихъ писемъ она описывала мнѣ свое первое посѣщеніе Кускова и очень подробно, зная, какъ я имъ дорожу. Описывала всѣ комнаты, а также и Воздвиженскій домъ и мою дѣтскую съ старыми игрушками и вспоминала о моей

матери. Вообще она не рѣдко говорила со мною о моей матери и всегда съ большимъ уваженіемъ, хотя ея никогда не знавала.

Лѣтомъ 1858 года она на Ульянкѣ лѣчилась, пила Эмскія воды по совѣту доктора Рейнгольда.

27-го февраля 1859 года родился въ Петербургѣ мой братъ Александръ. Начались приготовленія къ крестинамъ. Отецъ просилъ государя быть воспріемникомъ. Государь поручилъ шефу-жандармовъ князю Василію Андреевичу Долгорукову его замѣстить; но крестины эти состоялись только черезъ мѣсяцъ. Крестною матерью была Т. Б. Потемкина. Крестилъ священникъ Сvмеоновской церкви о. Василій Барсовъ, тотъ самый, который и вѣнчалъ отца.

Лѣто 1859 года по прежнему провели мы на Ульянкѣ. Отселѣ начинается со стороны графини Александры Григорьевны рядъ дѣйствій, клонившихся къ удаленію изъ дому тѣхъ людей, которыхъ она не безъ основанія считала вредными.

Началось съ удаленія помощника камердинера моего отца Бондарева, племянника того

Артемія Бондарева, который служилъ у Татьяны Васильевны. Онъ, дѣйствительно, былъ избалованъ и держалъ себя нахально; какъ ни жаль было отцу, онъ долженъ былъ уступить, и Бондарева уволили. Дальнѣйшее было гораздо труднѣе. Лѣтъ двадцать служилъ у отца нѣкто *). Онъ пользовался большимъ довѣріемъ и вліяніемъ и часто этимъ злоупотреблялъ. Большихъ усилій стоило Александрѣ Григорьевнѣ его удаленіе. Это была сила въ домѣ, съ которою всѣ считались. Много тревогъ и огорченій, много волненій и заботъ стоило отцу рѣшиться разстаться съ **). Подобныя рѣшенія совершенно были не въ его характерѣ, но графиня Александра Григорьевна справедливо настаивала, и онъ долженъ былъ сломить себя и дать согласіе, предварительно, конечно, совершенно обезпечивъ ***). Вся эта борьба очень повліяла на отца, утомила его и привела въ совершенное разстройство его нервы. Онъ жаждалъ покоя и очутился неожиданно въ страдательномъ положеніи.

Въ это время (1860-й годъ) готовилось

празднованіе юбилея Страннопріимнаго нашего дома въ Москвѣ. Дѣлались значительныя приготовленія, и отецъ долженъ былъ ѣхать въ Москву на это торжество. Страннопріимный домъ былъ ему очень дорогъ, и онъ сильно желалъ ѣхать и присутствовать въ этотъ знаменательный въ жизни Дома день. Все уже было готово къ отъѣзду, но внезапно отцемъ овладѣло какое-то странное нервное состояніе: его одолѣвала глубокая безысходная грусть. Слезы были постоянно у него на глазахъ, и онъ объявилъ, что ѣхать въ Москву не въ состояніи.

Какъ ни тяжела была для отца разлука съ *), съ которымъ связывала его двадцатилѣтняя привычка, — нельзя было въ душѣ не радоваться такому исходу, какъ удаленіе человѣка не вполнѣ благонадежнаго и очень неудобнаго. Еще разъ всѣ сочувствія обратились въ сторону графини Александры Григорьевны, и всѣ прославляли ея твердость и желаніе быть отцу полезной.

Приблизительно въ это же время начались

странныя, ничѣмъ не объяснимыя въ домѣ теченія какого-то подозрѣнія и недовѣрія къ моимъ роднымъ.

Неуловимые сначала и еле замѣтные оттѣнки этого недовѣрія постепенно росли и крѣпли и ставили меня въ крайне тяжелое и щекотливое положеніе.

Уже давно родные мои и прежде всего бабушка Екатерина Васильевна, оставшаяся послѣ смерти бабушки Варвары Петровны въ томъ же домѣ на Воздвиженкѣ и которую отецъ искренно любилъ и уважалъ,—обращались къ отцу за разрѣшеніемъ отпустить меня хотя бы на короткое время въ Москву на свиданіе съ бабушкою, съ которою я разстался въ 1851 году!

Дѣло затягивалось, и я уже начиналъ терять всякую надежду на возможность поѣздки въ Москву. Случайное обстоятельство пришло мнѣ на помощь и разрѣшило вопросъ этотъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Давно Иванъ Өедоровичъ Апрѣлевъ просилъ отца моего разрѣшить мнѣ посѣтить его Новго-

родскую усадьбу (Тихвинскаго уѣзда), с. Усадище Большой Дворъ, гдѣ жила его мать старушка Анастасія Ивановна Апрѣлева съ пятью престарѣлыми дочерьми. Отецъ съ удовольствіемъ на это согласился и одновременно разрѣшилъ мнѣ прямо изъ имѣнія Апрѣлевыхъ со станціи Чудово проѣхать въ Москву на свиданіе съ бабушкой Екатериной Васильевной. Тотчасъ же начались приготовленія къ небывалому отъѣзду. Съ самаго прибытія въ 1851 году изъ Москвы я никуда не двигался изъ Петербурга и Ульянки. Я находился въ возбужденномъ и лихорадочномъ состояніи, и мысль, что увижу вновь Москву и всѣхъ близкихъ, дѣлала меня счастливымъ. Татьяна Васильевна очень сочувствовала этой поѣздкѣ.

Однообразно и уныло проходили для меня всѣ эти годы. Не будь родного для меня дома принцевъ Ольденбургскихъ, было бы не легко. Зимою иногда допускались товарищи, но случайно. По праздникамъ иногда заходилъ кадетъ Безкорниловичъ (Николай), сынъ Надежды Александровны и племянникъ князя

Николая Александровича Долгорукаго, но онъ былъ гораздо старше меня. Изрѣдка бывалъ и Николай Левенгагенъ, сынъ Надежды Васильевны, урожденной Кобылиной. Семейство Кобылиныхъ издавна, еще со временъ Дапоуровыхъ, ѣзжало къ намъ въ домъ и посѣщало церковь. Они отчасти сроднились вслѣдствіе брака Маргариты Петровны Реметевой съ Алексѣемъ Путятинымъ. Братъ же этого Путятина Михаилъ женился на другой Кобылиной, Александрѣ Васильевнѣ, сестрѣ г-жи Левенгагенъ. Ихъ мать была древняя и почтенная старушка Екатерина Ѳедотовна Кобылина, урожденная Клокачева († 1871 г.), новгородская помѣщица и когда-то въ молодости красавица, какъ и дочь ея Александра Васильевна Путятина († 1897 г.). Это была почтенная, дружная, патріархальная и коренная русская дворянская семья стараго закала. Когда-то въ Петербургѣ возбудили много толковъ случившіяся въ этой семьѣ два трагическихъ событія. Братъ А. В. Путятиной и Н. В. Левенгагеной былъ убитъ ночью на Цѣпномъ мосту какимъ-то таинствен-

нымъ всадникомъ, который успѣлъ скрыться... Вскорѣ послѣ этого событія другой братъ ихъ изъ Егерскаго полка, не смотря на сильное противодѣйствіе великаго князя Михаила Павловича, удалился въ монастырь. Онъ былъ у него на отличномъ счету. Другое убійство повторилось въ той же семьѣ, когда Надежда Васильевна Кобылина вышла замужъ за старшаго брата Ивана Өедоровича Апрѣлева, Александра, пользовавшагося особымъ расположеніемъ графа Аракчеева. Свадьба была у насъ въ домовой церкви на Фонтанкѣ, и отецъ былъ посаженымъ отцомъ. Когда молодые прибыли къ себѣ въ домъ, и мать Апрѣлева ожидала ихъ съ хлѣбомъ-солью, молодые только что успѣли выйти изъ кареты, и Апрѣлевъ едва вошелъ въ переднюю, какъ на него бросился нѣкто Павловъ и нанесъ ему смертельную рану, отъ которой черезъ нѣсколько дней онъ и умеръ. Говорятъ, что Павловъ искалъ его убить на подъѣздѣ нашей церкви и только случайно это ему не удалось. Дѣло разъяснилось слѣдствіемъ. Молодая вдова вышла потомъ замужъ

за уланскаго офицера Левенгагена, раненаго въ глазъ польскимъ уланомъ во время атаки въ мятежѣ 1830 года. Единственный сынъ ихъ Николай Левенгагенъ былъ тихій и нѣсколько болѣзненный мальчикъ, переходившій изъ однѣхъ французскихъ рукъ въ другія. Всѣхъ типичнѣе у него былъ первый воспитатель французъ Victor Valengelier, плѣнникъ 1812 года, изъ остатковъ de la grande armée.

Поѣздка къ Апрѣлевымъ и въ Москву была тогда же мною записана со всѣми подробностями, меня тогда занимавшими. Теперь прошло почти 40 лѣтъ отъ этого счастливаго 1860 года, много воды утекло, много пережито ощущеній, но благодарное воспоминаніе объ этомъ отдаленномъ времени все также живо во мнѣ и также свѣжо. Съ 1860 года въ жизни моей произошелъ крутой и сильный переломъ; мысли получили иное направленіе, которое и легло въ основу всего моего бытія. Года были самые воспріимчивые; мнѣ шелъ тогда шестнадцатый годъ; въ эти годы меня впервые сдвинули съ

обычной колеи, впервые рушилось однообразіе моей жизни:

И на яву прозрѣли очи,
Что только видѣлось во снѣ!

Выѣхали мы изъ Ульянки въ часъ пополудни. Со мною былъ неизмѣнный и невеселый спутникъ Ю. Ѳ. Гренингъ. Выѣхали по старинному, съ разными вещами и поклажей; ящики, чемоданы, важи были заблаговременно отправлены въ городъ наканунѣ съ Иваномъ Жарковымъ, который долженъ былъ уложить все это въ заготовленный для путешествія дормезъ. Съ собою же въ карету взяты были только мелкія вещи: часы, корзины съ фруктами, судки съ кушаньемъ на три дня, узелки, подушки и пр. Все это заняло довольно много мѣста въ городской каретѣ, въ которой и безъ того уже было тѣсно. Провизія наша дорогой еще умножилась. На Владимірской мы остановились у булочника Вебера и накупили цѣлую корзину съ разными хлѣбами. Изъ Ульянки пріѣхали мы на Фонтанку около двухъ часовъ

и нашли экипажъ уже совсѣмъ готовымъ на дворѣ нашего дома. Пока Иванъ Жарковъ перекладывалъ вещи изъ кареты въ дормезъ, мы зашли въ церковь, простились съ прислугой и ровно въ два часа тронулись въ путь.

Дорожная карета наша на видъ казалась крѣпкою и удобною: обитая желтымъ атласомъ, она заключала въ себѣ два мѣста, съ заднимъ сидѣньемъ для прислуги. Съ радостнымъ чувствомъ, напомнившимъ мнѣ отдаленныя впечатлѣнія дѣтства, выѣхали мы изъ Петербурга, мимо Александро-Невской Лавры и направились по большому Шлиссельбургскому тракту. Но не доѣзжая Фарфороваго завода у насъ сломалась ось. Дальше ѣхать было невозможно, и мы въ грустномъ и жалкомъ видѣ должны были вернуться въ Петербургъ. Много прошло опять времени, пока вновь въ другой каретѣ вторично снарядились въ путь, на этотъ разъ уже безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Ночью проѣхали мы первыя станціи, мимо отцовскаго имѣнія Вознесенское-Корчмино; лошадей мѣняли въ Ижорахъ; на разсвѣтѣ были

на станціи Мха, гдѣ насъ встрѣтилъ не бритый „Коллежскій Регистраторъ, Почтовой станціи диктаторъ“. Тутъ и Пелла съ Екатерининскими воспоминаніями, а тамъ лѣса и пески — дорога тяжелая, и такъ вплоть до Шлиссельбурга. Погода была ясная, и городъ мнѣ показался веселымъ на берегу Невы и Ладожскаго озера, которое представилось моему взору цѣлымъ моремъ. Закусили мы въ гостиницѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ „Прей-скурантъ“. Издали показались мрачныя стѣны Шлиссельбургской крѣпости—мѣсто заключенія несчастнаго императора Іоанна.

Далѣе ѣхали мы все Ладожскимъ каналомъ; медленно и однообразно тянулся песчаный путь, станціи скучныя... Я чувствовалъ, что мы заѣхали куда-то въ глушь. Все пески и лѣса.

Пріѣздъ къ вечеру въ Новую Ладогу насъ нѣсколько оживилъ. Здѣсь славится уха. Уже смеркалось, когда мы на паромѣ переплывали Волховъ. Величественно протекали свинцоваго цвѣта волны широкой Новгородской рѣки.

Жаль было отъ нея отдаляться; но наступила ночь. Къ утру меня разбудилъ толчокъ. „Гдѣ мы"?—спрашиваю.—„Ужъ близко"—говорятъ, „проѣхали Пульницы". Вотъ экипажъ нашъ круто сворачиваетъ съ большой дороги и передъ нами столбъ съ доской, на которой надпись: „Село Усадище Большой Дворъ" сенатора Апрѣлева. Мы пріѣхали.

Незамѣтно протекли всѣ эти дни въ Апрѣлевской усадьбѣ. Хозяинъ ея добродушный Иванъ Ѳедоровичъ принялъ насъ съ старымъ гостепріимствомъ. Мѣста красивы; извилистые живописные берега Сяси, домъ старинный, просторный—старое дворянское гнѣздо. Пушки выстроены въ рядъ—это подарокъ Аракчеева. Приживалки въ домѣ, нѣкая Арина Пантелѣева и другія настойчиво угощаютъ вареньемъ и распѣваютъ пѣсенки о злоупотребленіяхъ исправника. Къ обѣднѣ ѣздили мы въ сосѣдній погостъ. Хозяинъ въ звѣздахъ. Ходили мы съ нимъ въ такомъ видѣ и по полямъ. Непріятно поразило меня цѣлованіе руки. То былъ послѣдній годъ крѣпостного права.

Отсюда съ Н. Ѳ. Апрѣлевымъ поѣхали мы на Тихвинъ. Дорогой остановились и обѣдали у почтенной старушки Е. Ѳ. Кобылиной въ домѣ ея дочери А. В. Путятиной. Это село Наумово. „Наумово всегда останется на умѣ“ разсказываетъ хозяйка о впечатлѣніи одного гостя. И здѣсь русское, старое гостепріимство; большая семья; мѣсто красивое. Отъ Тихвина недалеко, но дорога очень тяжелая, песчаная. Монастырь для нихъ родной. Настоятелемъ его былъ о. Владиміръ, бывшій Егерскій офицеръ. Подъѣзжали къ Тихвину вечеромъ. Величественная обитель, словно лавра съ древними зубчатыми стѣнами. Тутъ и женскій монастырь Введенскій, гдѣ нѣкогда жила въ затворѣ царица Колтовская.

Насъ помѣстили въ самомъ монастырѣ, въ такъ называемыхъ Царскихъ покояхъ, гдѣ останавливается митрополитъ и гдѣ помѣщался и отецъ, когда бывалъ въ Тихвинѣ. Монастырь этотъ для него былъ особенно дорогъ: сюда ѣзжали на богомолье дѣдъ и бабушка Прасковья Ивановна. Икона Тихвинской Божіей

Матери—главная святыня. Фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ особенно чтилъ эту икону: она была его путевая въ походахъ. Онъ же основалъ Тихвинскій монастырь послѣ Полтавы въ имѣніи своемъ Борисовкѣ. Передъ чудотворной иконой лампада, подаренная дѣдомъ, а паникадило отцомъ. О. Владиміръ подробно показывалъ намъ монастырь, выдержавшій не одну осаду. Здѣсь цѣлая оружейная палата, множество стариннаго оружія, бердышей и „луку“ (комочки, бросавшіеся подъ ноги непріятельскимъ лошадямъ). О. Владиміръ подвелъ насъ въ одной изъ церквей къ надгробной плитѣ. Я прочелъ: „Императоръ Іоаннъ III“. Изъ Тихвина съ о. Владиміромъ ѣздили мы въ сосѣдніе монастыри — „Николо-Бесѣдный“ мимо таинственнаго пустыря, называемаго „Попова яма“. Здѣсь по преданію погибла вся семья какого-то попа. Въ монастырѣ Антонія Дымскаго, куда отецъ особенно наказывалъ мнѣ ѣхать, жилъ знакомый намъ монахъ о. Иларіонъ, а настоятелемъ былъ нѣкто изъ прежнихъ отцовскихъ крестьянъ о. Іоаннъ

Лисичкинъ. Монастырь небогатый. Служили молебенъ передъ ракою преп. Антонія Дымскаго. Кругомъ все лѣса и тутъ же большое озеро.

Изъ Тихвина, гдѣ распростился я съ И. Ѳ. Апрѣлевымъ, мы поѣхали на Чудово, почтовымъ трактомъ, сначала на Оскую и Грузино. Уже смеркалось, когда подъѣхали мы къ мрачному замку прежняго владѣльца Грузина, на гербѣ котораго вырѣзана надпись: „Безъ лести преданъ". Еще станція, еще перегонъ и Чудово: мы на Николаевской желѣзной дорогѣ.

На слѣдующее утро тронулись въ Москву. Впервые я былъ въ вагонахъ Николаевской дороги. Я былъ вполнѣ счастливъ и въ какомъ-то особенно торжественномъ настроеніи. Впереди была Москва!

Москва, Москва, гдѣ радости и горе
Мой юный духъ такъ часто обнималъ...
Ты колыбель моихъ воспоминаній,
Сердечныхъ думъ и дерзкихъ упованій!

Еще передъ выѣздомъ изъ Ульянки отецъ далъ мнѣ строгій наказъ и передалъ въ руки написанный его рукою списокъ того, что я

обязательно долженъ былъ посѣтить. Начать нужно было съ Иверской часовни; далѣе были обозначены часовня у Каменнаго моста, икона Спаса Нерукотвореннаго на Остоженкѣ, Новоспасскій монастырь, Троицкая лавра. Разрѣшено было ѣхать въ Останкино и въ Кусково и обязательно было нужно явиться къ митрополиту Филарету. Живо помню, какъ отецъ передавалъ мнѣ эту записку съ видимымъ удовольствіемъ. Прямо съ поѣзда я поѣхалъ къ Иверской, а оттуда на Воздвиженку къ бабушкѣ Екатеринѣ Васильевнѣ. Я вбѣжалъ на лѣстницу давно мнѣ памятнаго дома. Въ передней сидѣлъ все тотъ же сухоручка и на томъ же обычномъ мѣстѣ на рундукѣ— старикъ Матвѣй Ермолаевъ.

Тетушка Елизавета Сергѣевна и тетушки Будыгины меня ожидали. Я прошелъ черезъ столовую, круглую гостинную съ знакомою давно красною мебелью, по направленію къ моленной бабушки Варвары Петровны. Здѣсь въ дверяхъ стояла бабушка Екатерина Васильевна. Что во мнѣ происходило, что пере-

чувствовалось въ этотъ мигъ — передать не въ силахъ. Такія мгновенія въ жизни не повторяются. Сразу окунулся я въ этотъ давно для меня исчезнувшій, но всегда неизмѣнно дорогой и согрѣвающій семейный бытъ, — исчезли всѣ преграды, всѣ годы со дня моего выѣзда изъ Москвы прошли какъ сонъ. Опять все то же давно знакомое, родное и та же простота, тотъ же привѣтъ; ожили всѣ преданія, воскресли впечатлѣнія дѣтства... То было счастіе!..

Пребываніе въ Москвѣ было непродолжительно, но оно запечатлѣлось на всю жизнь. Конечно, первымъ дѣломъ было посѣщеніе Новоспасскаго монастыря и Кускова. Подъ впечатлѣніемъ этой первой поѣздки въ Кусково я тогда же записалъ, что могъ, и теперь, послѣ почти 40 лѣтъ, я предпочитаю оставить безъ всякихъ измѣненій полудѣтскій мой разсказъ о первой поѣздкѣ въ Кусково въ 1860 году. Вотъ онъ:

„Въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, не помню, въ какой именно день, мы, то-есть,

тетушка Елизавета Сергѣевна, дядя Борисъ Сергѣевичъ и Ю. Ѳ. Гренингъ отправились въ Кусково тамъ провести весь день, погулять, посмотрѣть, пообѣдать и къ вечеру возвратиться назадъ въ Москву. Съ этою цѣлью наняли мы у Тверскихъ воротъ четырехмѣстный экипажъ, съ виду довольно неуклюжій, но казавшійся прочнымъ. Запаслись достаточнымъ количествомъ провизіи, зная, что въ Кусковѣ, кромѣ фруктовъ, ничего нельзя было найти. Изъ Москвы выѣхали еще до полудня и черезъ Рогожскую заставу отправились по Коломенскому шоссе. Дорога была довольно занимательна. Чѣмъ болѣе отдалялись отъ Москвы, тѣмъ видъ на нее становился лучше: золотыя главы церквей и соборовъ, озаренныя лучами солнца, сіяли чуднымъ блескомъ. Выше другихъ возвышалась громадная колокольня Симонова монастыря, не уступающая самому Ивану Великому. Мы миновали деревню Хохловку, затѣмъ село Карачарово; вотъ наконецъ и принадлежащая отцу деревня Вязовка. Москва была уже въ

семи верстахъ, но все еще можно было отличить Симонову колокольню. Уже давно по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись владѣнія частныхъ лицъ: вотъ вправо отъ Вязовокъ прекрасная дорога въ Мельницы, роскошное имѣніе князя Сергія Михайловича Голицына, одно изъ лучшихъ, живописнѣйшихъ подмосковныхъ помѣстій. Но тутъ же и другая дорога влѣво, черезъ густую рощу въ наше Кусково. Мы свернули съ шоссе и въѣхали въ рощу... Здѣсь начались мои воспоминанія и, по мѣрѣ того какъ мы приближались къ цѣли, они становились живѣе и яснѣе. Вдалекѣ показались избы села Выхона. Мы миновали церковь и богадѣльню Вешнякова. Вотъ наконецъ раздвинулась роща: мы очутились на берегу давно знакомаго пруда, и намъ открылся весь видъ на Кусковскій домъ съ церковью, конюшнею, кухнею, слободою и паркомъ. Мы остановились у церковной паперти и тотчасъ вошли въ церковь. Священникъ отецъ Ѳедоръ Зубатовъ, діаконъ и всѣ домашніе приняли насъ очень радушно. У

входа въ домъ встрѣтилъ насъ архитекторъ Цвѣтковъ и садовникъ Лебеденковъ. Я тотчасъ узналъ всѣ комнаты, нашелъ одинъ дорогу въ спальную матери, тамъ, гдѣ она одиннадцать лѣтъ тому назадъ скончалась. Здѣсь все, кромѣ мебели, было по старому: тѣ же украшенія, тѣ же картины на стѣнахъ. Отслуживъ тутъ же панихиду, мы отправились по другимъ комнатамъ въ грустномъ настроеніи духа. Я увидалъ и бывшую мою комнату, гдѣ сохранилась и мебель, и даже мои игрушки; оттуда черезъ комнату моей нянюшки мы вошли въ большую зеркальную залу, лучшую комнату во всемъ домѣ. Отсюда пошли въ другую половину дома; однимъ словомъ, въ домѣ не осталось и угла, куда бы мы не заглянули. Вездѣ разсматривали мы со вниманіемъ старинные портреты, развѣшанные по стѣнамъ, которые, хотя и не замѣчательно сдѣланы, но придаютъ дому отпечатокъ былого давнопрошедшаго. Здѣсь нашелъ я всѣхъ почти Русскихъ царей и царицъ, начиная съ Петра Великаго до Александра I. Здѣсь всѣ царе-

дворцы и временщики разныхъ царствованій: Меншиковъ, Ромодановскій, Биронъ, Черкаскій, Шуваловы, Разумовскіе, Потемкинъ и прочіе. Тутъ же и всѣ семейные портреты, первое мѣсто между которыми занимаетъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Онъ изображенъ стоя, сидя, на конѣ, во всѣхъ видахъ. Въ рѣдкой комнатѣ не найдешь портретовъ Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Замѣчательныхъ картинъ однако въ Кусковѣ мало: они всѣ въ Останкинѣ. Мы взошли въ столовую, красивую комнату съ окнами къ церкви и къ пруду, затѣмъ посѣтили билліардную, гдѣ нѣкогда былъ билліардъ, снятый еще въ 1849 году. Мало того, мы взобрались и на чердакъ, думая открыть что-нибудь интересное, но нашли только груду сору; по всѣмъ же угламъ разбросаны были обломки старой мебели, старинныя вазы, разная посуда, картины, нѣсколько бронзовыхъ канделябровъ, хрустальныя люстры — все это было смѣшано съ хламомъ и покрыто непроницаемымъ слоемъ пыли. Судя по всему было видно,

что рука человѣческая весьма давно не дотрогивалась до этихъ вещей. Мы обратили особое вниманіе на бронзовую доску, исписанную золочеными буквами. Содержаніе надписи было приглашеніе отъ имени графа Петра Борисовича къ жителямъ Москвы и ея окрестностей. Имъ объявлялось, что каждое Воскресеніе Кусковскій садъ имѣлъ быть открытымъ для всякаго рода посѣтителей. Сожалѣю, что не списалъ надписи этой доски. Время между тѣмъ шло впередъ. Видя, что намъ остается его не слишкомъ много, мы оставили домъ и пошли въ садъ. Здѣсь нашли мы тотъ же отпечатокъ временъ минувшихъ. Широкія, крытыя аллеи заросли травой; цвѣтовъ не видно было нигдѣ, исключая оранжереи. Не нашелъ я ни достопамятныхъ кустовъ махровыхъ розъ, ни знаменитой аллеи изъ померанцевыхъ деревьевъ, о которыхъ у меня еще сохранилось смутное воспоминаніе. Только одни лавровыя деревья красовались по прежнему на обычномъ своемъ мѣстѣ передъ оранжереею. У входа въ послѣднюю садовникъ поднесъ намъ букетъ цвѣ-

товъ и корзину фруктъ. Мы пошли далѣе, зашли въ Итальянскій, Голландскій и Китайскій домики, также въ Эрмитажъ. Первые три домика нѣкогда по отдѣлкѣ и по всему находящемуся въ нихъ соотвѣтствовали своимъ названіямъ. Нынѣ же кромѣ семейныхъ портретовъ и старой мебели въ нихъ нѣтъ ничего. Эрмитажъ служилъ прежде для небольшихъ обѣдовъ; въ немъ замѣчателенъ механизмъ, по которому блюда и тарелки подавались сами собою въ верхній этажъ, гдѣ сидѣли гости. Оттуда заглянули мы въ гротъ, весь обдѣланный въ раковинахъ съ изображеніемъ четырехъ временъ года. Наконецъ прошли мы и къ извѣстному когда-то Кусковскому театру, который сохранился довольно хорошо, особенно внутри. Партеръ, ложи, даже кресла, по словамъ архитектора, еще довольно прочны. Самыя декораціи, какая-то золоченая колесница и множество другихъ вещей разбросаны по сценѣ. Театръ окруженъ березовою рощей, любимымъ теперь мѣстомъ гулянья московскаго купечества. Сюда собираются купеческія се-

Въ 1860 году родилась сестра моя Екатерина. Радость отцу была большая. Онъ всегда и давно желалъ дочери. Радость эта, конечно, раздѣлялась и графинею; но она была не долговѣчна. Въ началѣ 1861 года младенецъ скончался. Графиня была въ отчаяніи, металась и какъ-то страннымъ образомъ причитывала надъ нею...

Горе отца было тихое, но глубокое. Онъ смирился.

Похоронили сестру въ Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры. Въ четырехмѣстную карету положенъ былъ бѣлый гробикъ и въ эту карету сѣли: отецъ, Татьяна Васильевна и я. Втроемъ поддерживали мы этотъ гробикъ на колѣняхъ и невольно дорогою размышляли о бренности желаній человѣческихъ. Татьяна Васильевна съ трогательнымъ сочувствіемъ успокаивала отца и удивлялась, что ей, девяностолѣтней старушкѣ, приходилось хоронить новорожденнаго младенца! Настроеніе отца было умилительно. Тутъ и особенно ясно сказалось, что̀ было глубокаго и искренняго въ

его вѣрѣ и въ покорности Божьей волѣ и сколько въ немъ было истиннаго смиренія.

Мы опустили гробикъ въ небольшую могилу, рядомъ съ могилою графа Порфирія Петровича Шереметева. Отецъ плакалъ, потомъ долго еще мы простояли у могилы. Былъ при этомъ и князь Николай Александровичъ Долгорукій, принимавшій въ отцовскомъ горѣ сердечное участіе.

Тогда же почему то разговорился отецъ о надгробныхъ проповѣдяхъ, которыхъ не особенно любилъ. Впрочемъ, онъ тутъ же указалъ на краснорѣчивый образецъ — на слова Массильона надъ могилою Людовика XIV:

„Dieu Seul est grand, mes frères“!

Нѣсколько разъ повторялъ онъ эти слова, какъ бы проникаясь ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ: все прахъ и тлѣнье; и богатства великія, все—ничтожество, и суета, и пепелъ! Глубокое въ томъ сознаніе у отца ясно выражалось въ эту минуту! Никогда еще такъ не обнаруживалось при мнѣ его чувство; я былъ проникнутъ этимъ откровеніемъ, и глу-

боко запало мнѣ въ сердце все, что я видѣлъ и понялъ въ этотъ день, глядя на него и на Татьяну Васильевну!

Въ нихъ чувствовалась сила, которой я до того не сознавалъ съ такою ясностью, та сила, которою держалась наша древняя Русь и которою донынѣ живемъ и движемся. Когда изсякнетъ эта сила—не будетъ уже Россіи...

1861 г.

Въ концѣ 1860 года мнѣ разрѣшено было пріѣхать на свадьбу къ дядѣ Борису Сергѣевичу Шереметеву въ Москву. Тамъ же провелъ я день своего рожденія. Мнѣ минуло 16 лѣтъ. Я чувствовалъ себя уже вышедшимъ изъ годовъ отрочества; наступало новое для меня время; молодость вступала въ свои права; впереди все казалось такъ свѣтло и радостно. Впрочемъ, тогда повсюду и вокругъ чувствовалось обновленіе. Канулъ въ вѣчность 60-й годъ и наступилъ годъ 1861-й, годъ возрожденія, годъ великихъ надеждъ и свѣтлыхъ увлеченій.

Они проникли и въ нашъ старый — старозавѣтный домъ.

5-го марта въ церкви нашей послѣ литургіи дьяконъ вступилъ на амвонъ и произнесъ знаменательныя историческія слова: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Бога въ помощь на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго!". Вижу я, какъ вся церковь перекрестилась, и отрадно было сознаніе, что въ это самое время крестилась вся Русская земля!

День объявленія „свободы" прошелъ въ нашемъ домѣ свѣтло и торжественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно просто и чинно. Всѣ сознавали, что совершилось великое историческое событіе. Отецъ привѣтствовалъ его отъ всей души; но на его душѣ могло быть тихо и свѣтло въ этотъ знаменательный день. Для него не могло быть перелома, какъ и не было его въ сознаніи его крестьянъ, изстари видавшихъ въ своихъ помѣщикахъ людей имъ близкихъ, съ которыми жилось привольно и хорошо. Это чувство отражалось и на лицахъ.

Не забуду я сосредоточеннаго и спокойнаго выраженія Татьяны Васильевны Шлыковой.

Въ то же утро побѣжалъ я въ Гостинный дворъ, гдѣ у книгопродавцевъ выставлены были въ зеленой оберткѣ первые экземпляры „положенія“ о крестьянахъ. Вокругъ витринъ толпился народъ. Улицы имѣли праздничный видъ.

Я поспѣшилъ купить экземпляръ „положенія“ и принесъ его торжественно домой.

И все загудѣло на разные голоса; стали изучать новое „положеніе“; увлеченія и надежды, конечно, смѣнялись подчасъ тревогою и разочарованіемъ. Раздавались горячіе и разнообразные голоса, восторженныя похвалы чередовались съ нескрываемымъ безпокойствомъ. Приходилось мнѣ прислушиваться къ тѣмъ и и другимъ, но чувство радости и благодарнаго восторга все же брало верхъ надъ предостереженіями сомнѣвающихся.

Вечеромъ того же дня въ домѣ принца Ольденбургскаго, среди молодежи, собравшейся въ угловой гостинной съ большимъ зеркальнымъ окномъ на Неву, князь Егоръ Васильевичъ Обо-

ленскій—въ состояніи блаженнаго восторга—говорилѣ о совершившемся великомъ событіи и подчеркивалъ, что будущіе ученики возрожденной Россіи будутъ учить и заучивать великіе дни: 5-е марта и 19-е февраля!

Случайно и въ моей жизни наступилъ знаменательный годъ. Мнѣ предстояло первое большое путешествіе—въ чужіе края.

Принцесса Ольденбургская отправлялась со всею семьею на все лѣто за границу; она написала моему отцу письмо, въ которомъ предлагала разрѣшить мнѣ сопровождать ее въ этомъ путешествіи.

Въ то время у меня уже не было воспитателя Руже, а былъ одинъ Гренингъ, и онъ долженъ былъ со мною ѣхать за границу. Отецъ далъ согласіе и пріѣхалъ проводить меня на желѣзную дорогу. Съ нимъ пріѣхала и Татьяна Васильевна. Все это для меня было такъ ново и необычно, что я не могъ себѣ дать яснаго отчета, на яву-ли все это происходило или во снѣ? Съ семействомъ принцессы Ольденбургской отправлялся и Александръ Фи-

липповичъ Постельсъ, главный наблюдатель за воспитаніемъ ея дѣтей, человѣкъ почтенный и серьезный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Меня удивило, когда я увидалъ его съ отцемъ. Они встрѣтились какъ старые и хорошіе знакомые. Оказалось, что отецъ знавалъ его давно и чтилъ, когда онъ былъ временно попечителемъ одной изъ гимназій, директоромъ которой былъ Постельсъ.

Въ то время желѣзная дорога Варшавская доходила только до Динабурга. Промежутокъ до Ковно пришлось проѣхать на почтовыхъ, а съ Ковно мы опять сѣли въ вагоны.

Помню переправу на паромѣ черезъ Двину и черезъ Нѣманъ; непроглядную ночь въ Ковно; желтое, одноэтажное, деревянное зданіе временной станціи — появленіе мѣстнаго губернатора, рекомендовавшаго себя принцессѣ на французскомъ языкѣ: „le gouverneur de Kovno“. Было совсѣмъ свѣтло, когда мы прибыли на границу. Въ первый разъ увидалъ я таможню и услужливую фигуру начальника ея, г-на Твердянскаго. Вотъ мы и въ нѣмецкой

землѣ! Съ любопытствомъ не отходилъ я отъ окна, и новыя впечатлѣнія врѣзывались въ память.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Кенигсбергѣ, потому что для слабой здоровьемъ принцессы потребовался отдыхъ. Жили мы въ гостиницѣ „Deutsches Haus“.

Близость древняго янтарнаго берега, родины нашихъ предковъ, уже тогда меня привлекала. Ходилъ я по городу съ книгою Бедекера въ рукахъ и, конечно, не миновалъ заглянуть въ „Prinzessin Strasse“ и любоваться домомъ, въ которомъ жилъ Кантъ.

Листки „Колокола“ продавались на станціи и много русскихъ запрещенныхъ книгъ. Я, конечно, покупалъ эти книги и читалъ ихъ добросовѣстно. Герценъ былъ тогда во всей славѣ.

Изъ Берлина перебрались мы въ Дрезденъ, гдѣ жили въ „Hotel de Saxe“. Здѣсь впервые видѣлъ я графиню Марину Дмитріевну Гурьеву, дочь Марьи Антоновны Нарышкиной. Она пріѣзжала къ принцессѣ. Когда меня ей на-

звали, она съ участіемъ спросила меня объ отцѣ. Когда то она была извѣстной красавицей. Дрезденъ вообще мнѣ понравился, и драгоцѣнныя собранія его приводили меня въ восторгъ. Grüne gewölbe, palais Japon, Брюльская терраса, все было для меня ново, все дѣйствовало на молодое воображеніе. Мнѣ удалось даже на нѣсколько времени отдѣлиться отъ свиты принцессы и совершить вдоль Эльбы прекрасную прогулку въ Саксонскую Швейцарію. Былъ я и на Bastey; всѣ эти горныя дорожки, очертанія горъ покрытыхъ лѣсомъ, надъ высокими берегами рѣки, поѣздъ желѣзной дороги, вьющійся змѣйкой гдѣ то далеко въ самой безднѣ, — все это было для меня источникомъ новыхъ невѣдомыхъ и сильныхъ ощущеній. Свѣжесть этого впечатлѣнія пережила года. Ея не заслонили другія, болѣе яркія, послѣдующія картины.

Въ свитѣ принцессы Ольденбургской находился, уже вліятельный тогда въ домѣ, адъютантъ принца Петра Георгіевича—Константинъ Францовичъ Шульцъ. Онъ то и былъ главнымъ

распорядителемъ путешествія; русскій нѣмецъ не скрывалъ самодовольнаго чувства сознанія своей вліятельной роли и въ качествѣ impressario—ибо мы двигались по тому направленію, которое было ему желательно. Я помню его шутку по поводу нашего пребыванія въ Дрезденѣ. Теперь, говорилъ онъ, уже нельзя объ насъ сказать: „Молодá—въ Саксоніи не была!“

Изъ Дрездена направились мы на Плауенъ, черезъ такъ называемый Voigtland. Въ Бамбергѣ на вокзалѣ встрѣтились съ семействомъ графовъ Толстыхъ, мать которыхъ была баварка баронесса Aretin. Характеръ мѣстности совершенно измѣнился; равнина Баваріи, страна голубыхъ мундировъ и пива, нагнала невыразимую тоску. Въ Мюнхенѣ провели мы нѣсколько дней и изъ оконъ гостиницы смотрѣли на процессію въ честь Frohnleichnamsfest. Въ шествіи участвовали оба короля, Максимиліанъ и отецъ его отставной король Лудвигъ — старикъ, но не почтенный, извѣстный любитель искусствъ и поклонникъ женской красоты. За ними шелъ тощій молодой человѣкъ съ красивыми чертами

лица. Онъ казался болѣзненнымъ и блѣднымъ. То былъ наслѣдникъ престола—Лудвигъ, будущій другъ Вагнера, безумный король, таинственно погибшій въ недавнее время.

Добросовѣстно осмотрѣли мы собранія картинъ и статуй, пинакотеку и глиптотеку нѣмецкихъ Аѳинъ. Поднимались мы въ статую Баваріи и неизвѣстно для чего—ибо не вынесли никакого впечатлѣнія — ни воображеніе, ни чувство изящнаго не получили удовлетворенія. Очень я обрадовался, когда рѣшено было ѣхать дальше на югъ. Насъ влекло въ Швейцарію. Долго еще разстилалась передъ нами однообразная равнина Баваріи, хотя бы и культурная, но безпощадно скучная. Наконецъ показались горы—поѣздъ сталъ медленно подниматься, и къ вечеру мы очутились на живописномъ берегу Боденскаго озера, въ Баварскомъ мѣстечкѣ Lindau, гдѣ насъ ожидалъ пароходъ. Въ первый разъ въ жизни вступилъ я на палубу. День былъ ясный и солнечный; картина окрестныхъ горъ и гладкой поверхности озера была очаровательна. На слѣдую-

щій день мы были уже на Швейцарскомъ берегу.

„Свободная Гельвеція“ приняла насъ въ свое лоно. Удобные вагоны, значительно лучшіе баварскихъ, понесли насъ въ Цюрихъ, гдѣ опять остановились мы на берегу озера въ „Hotel Bauer“. Впечатлѣніе Цюрихскаго озера было сильное. Терраса на берегу у гостиницы со множествомъ столиковъ для посѣтителей въ виду прекрасной панорамы разстилающихся горъ и поверхности озера — какъ бы сжатаго этими горами, кипучая жизнь, оживленіе вокругъ, новые невиданные типы, все произвело глубокое впечатлѣніе! Мы были въ центрѣ извѣстной русской колоніи шестидесятыхъ годовъ. Изъ Цюриха поѣхали прямо на Тунъ. Опять красивое горное озеро! За нимъ въ экипажахъ доѣхали мы до цѣли первой половины путешествія. Передъ нами разстилалась широкая долина Интерлакена — междуозерья, столь любимаго туристами и нѣсколько избитаго. Мы въѣхали въ городокъ, въ которомъ была всего одна улица: кругомъ сады и горы. Вправо отъ

него возвышался Abendberg, весь окутанный зеленью, затѣмъ показалась разсѣлина узкой долины Лаутербрунена—съ горными потоками Lutschinen, а за нею, во всей своей величавой красѣ, показались снѣжныя вершины Юнгфрау! Мы остановились у предпослѣдняго дома передъ въѣздомъ за городъ по направленію къ Brienz'у. Передъ нами было двухъэтажное скромное зданіе съ вывѣскою „Pension Moser Indermuhle,“ а другая надпись гласила „Molkenkur“. Это было наше обиталище. Здѣсь засѣли мы на шесть недѣль.

Теперь, когда прошло такъ много лѣтъ, пребываніе въ Интерлакенѣ 1861 года мнѣ грезится точно во снѣ. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ, а въ эти годы все въ жизни кажется наслажденіемъ. Мы скоро обжились въ нашемъ затишьѣ, и если оно показалось таковымъ для взрослыхъ, то мы остались въ сторонѣ отъ невѣдомыхъ еще треволненій. Прогулкамъ, поѣздкамъ не было конца. Мы любовались классическимъ водопадомъ Штауббаха, съ его отвѣсною могучею струею и

глетчерами Гриндельвальда и неумолкаемымъ шумомъ горныхъ потоковъ у сліянія двухъ Лутчинъ. Взбирались мы на возвышенности Abend-berg'а съ его безотраднымъ убѣжищемъ для кретиновъ и на голыя вершины Schöuje Platte, гдѣ ревѣлъ и бушевалъ свирѣпый вѣтеръ, плавали мы по тихому Бріенцкому озеру, въ виду водопада Giessbach, мимо красиваго городка, утопавшаго въ зелени. Пробрались мы даже и за Бріенцъ до перевала въ Hasly Thal. Тамъ показывали намъ вдалекѣ дорогу къ С.-Готарду и мысли невольно переносились къ славному прошлому суворовскихъ временъ.

Жизнь наша сложилась однообразно и покойно. Скромный, даже скудный обѣдъ, сыворотка и земляника—земляника и сыворотка и никакихъ особыхъ развлеченій. Въ этотъ шестинедѣльный промежутокъ однообразіе жизни въ Интерлакенѣ для меня порвалось поѣздкой къ Женевскому озеру. Въ Женевѣ я пользовался гостепріимствомъ Г. Т. фонъ-Бока, временно тамъ поселившагося. Былъ въ Ferney, въ качествѣ запоздавшаго паломника и лице-

зрѣлъ то святилище, которое привлекало столькихъ соотечественниковъ въ прошломъ вѣкѣ, не желавшихъ казаться отсталыми и платившихъ дань фетишизму. Былъ въ Лозаннѣ, сразу оттолкнувшей меня своимъ безличнымъ обликомъ, въ Vevey, гдѣ, мнѣ казалось, должна была царить безисходная скука, въ Montreux и наконецъ въ замкѣ Chillion, сильно говорившемъ воображенію. Я плылъ по Женевскому озеру и тихимъ его водамъ, любуясь чуднымъ видомъ на Montblane, и вернулся въ Женеву, откуда поспѣшилъ обратно въ Интерлакенъ.

Сама Женева не произвела сильнаго впечатлѣнія и при видѣ Isle de Rousseau я не чувствовалъ увлеченія. Мнѣ стало холодно въ Женевѣ, гдѣ стройный видъ нагоняетъ тоскливое чувство, и я отогрѣлся въ Интерлакенѣ, куда прибылъ послѣ недѣльнаго странствованія. Общество наше само по себѣ было довольно многочисленное и пріятное; нѣсколько испортило намъ пребываніе семейство князей Голицыныхъ Прозоровскихъ, поселившихся по сосѣдству

въ „Pension Fischer“. Сосѣдство это, кромѣ различныхъ треволненій, накликало и другую бѣду: оно сдѣлалось разсадникомъ заразы. Дѣти Голицыны заболѣли коклюшемъ. Отъ нихъ заразилась и меньшая дочь принцессы Терезія Петровна. Болѣзнь эта перешла и ко мнѣ.

Шестинедѣльное сидѣніе въ Интерлакенѣ закончилось выѣздомъ на Базель. Здѣсь ночевали мы въ „Hôtel des trois couronnes“, съ балкономъ на мутныя воды Рейна. Первое впечатлѣніе этой пресловутой германской рѣки было непріятное.

Проночевали мы въ Баденѣ и двинулись на сѣверъ къ Гейдельбергу и въ Франкфуртъ; здѣсь принцесса была на родинѣ. Въ гостиницѣ появились ея братья: герцогъ Адольфъ Нассаускій и меньшой братъ принцъ Николай. Гостиница находилась на площади противъ Кордагаріи, гдѣ еще красовались солдаты Прусскіе, Австрійскіе и мѣстные. Времена были стародавнія. Тутъ же единственная красивая улица Zeil съ моднымъ магазиномъ Breuil.

Рѣшено было тогда же ѣхать далѣе и по-

селиться въ Крейцнахѣ, откуда рукой было подать въ Висбаденъ. Слѣдовательно, герцогство Нассауское было доступно. Мы водворились въ хорошей гостиницѣ „Rheinstein“, которую почти всю и заняли, здѣсь мы засѣли опять на нѣсколько недѣль для пользованія минеральными водами.

Крейцнахъ расположенъ на берегу рѣки Nahe, впадающей неподалеку въ Рейнъ противъ Meusethurn'а у Бингена. Мнѣ также совѣтовали пить воду, и я приступилъ къ леченію отъ невѣдомой болѣзни!..

Началась обычная жизнь нѣмецкихъ курортовъ. Но и это было для меня тогда ново, и прежде всего поразило меня обиліе соотечественниковъ и соотечественницъ; на лицахъ ихъ сіяла радость, точно сорвались съ цѣпи и неслись напропалую и на всѣхъ парахъ, проживая нерѣдко свои средства, не думая о будущемъ. Здѣсь встрѣтилъ я двухъ дѣвицъ **) съ зрѣлой, но легкомысленной маменькой: онѣ наслаждались присутствіемъ à l'étranger. Тогда уже опредѣлилась та мода, то лихорадочное

движеніе на западъ, которое повредило нашему дворянству гораздо болѣе иныхъ невзгодъ. Уже тогда имя нашимъ соотечественникамъ за границею было легіонъ!

Здѣсь въ Крейцнахѣ мною впервые овладѣла тоска; не помогли мнѣ мои 17 лѣтъ, и меня потянуло неудержимо домой.

Къ счастію, однообразіе нашей жизни разбивалось прогулками и поѣздками въ Висбаденъ, гдѣ далеко на горѣ красовались золотыя главы нашей церкви. Меня потянуло въ эту сторону съ особеннымъ чувствомъ радости.

Висбаденъ—Бибрихъ—замокъ герцога Нассаускаго. Я помню посѣщеніе его съ семьею принцессы — прогулки въ паркѣ; множество гуляющихъ и герцогъ въ роли Людовика XIV. Помню сильное впечатлѣніе отъ мѣстнаго напитка—преславнаго вина рейнскаго,—а погреба герцога Нассаускаго славятся своими знаменитыми Steinberger-Cabinet-Wein. Впрочемъ, не уступятъ ему и другія.

Былъ я въ уединенномъ замкѣ Iohannisberg, гдѣ меня поразилъ портретъ императора

Франца II. Глаза его слѣдятъ все время за вами, а тутъ же Rudesheim съ своими славными виноградниками, и мы вступаемъ въ страну легендъ и средневѣковыхъ замковъ... Но все это промчалось, какъ сонъ; опять передъ нами тотъ же Крейцнахъ и таже однообразная жизнь, тѣ же призраки, та же гнетущая тоска!

Но всему есть предѣлъ. Всѣ мы встрепенулись, когда намъ объявили, что ѣдемъ въ Парижъ. Францiя! Первое впечатлѣнiе, это— неудобство вагоновъ и грубость кондукторовъ. Поѣздъ летѣлъ неимовѣрно быстро и виды такъ смѣнялись скоро, что ничего не запомнишь. „Epernay vingt minutes d'arrêt!“ рѣзко прокричалъ кондукторъ. Я помню наслажденiе послѣ пыльнаго, душнаго вагона, очутиться за столомъ, гдѣ обильная живительная влага мѣстныхъ лозъ подкрѣпила слабѣющiя силы.

Въ Парижѣ мы поселились въ „Hôtel Westminster rue de la Paix“. Это пупъ земли — сердцевина изящнаго Парижа. Здѣсь въ двухъ шагахъ Вандомская колонна, rue Castiglione, ведущая къ Лувру и къ Тюльери.

Меня помѣстили гдѣ то высоко, въ мрачныхъ и темныхъ комнатахъ. Спутникъ мой Ю. Ѳ. Гренингъ не придавалъ оживленія этому пребыванію. Коклюшъ у меня былъ въ полномъ разгарѣ, за обѣдомъ было особенно мучительно, особенно въ присутствіи принца Петра Георгіевича, который не терпѣлъ кашля.

Пребываніе это омрачилось болѣзнью камерфрау принцессы. Она черезъ нѣсколько дней умерла. Панихиды пріѣзжалъ служить нашъ второй Парижскій священникъ отецъ Прилежаевъ. Все это настраивало мысли на мрачный ладъ. Коклюшъ у меня оказался особенно сильнымъ. Я очень похудѣлъ, и грудь начала болѣть. Ю. Ѳ. Гренингъ порѣшилъ, что я не выдержу болѣзни и не давалъ мнѣ покоя своими соображеніями о томъ, что ему дѣлать на случай моей смерти, какъ онъ повезетъ мое тѣло въ Россію и проч.

Принцесса пожелала, чтобы приглашенъ былъ докторъ. Пріѣхалъ ко мнѣ знаменитый тогда врачъ le docteur Trousseau. Осмотрѣвъ меня,

онъ нашелъ необходимымъ подвергнуть меня лѣченію на югѣ. Зная, что принцесса направляется въ Біаррицъ, онъ написалъ письмо своему другу доктору Пиду (Pidoux) и совѣтовалъ отправить меня въ Пиренеи: онъ указывалъ на слабость груди.

До сихъ поръ мнѣ казалось, что Россія была не за горами, но теперь, когда рѣшена была поѣздка на югъ Франціи—я понялъ, что уѣзжаю куда то за тридевять земель. Мнѣ стало немного жутко, тѣмъ болѣе, что здоровье было далеко неблистательное.

Мы отправились на gare d'Orleans и двинулись на югъ.

Миновали мы древній Angoulême съ его чуднымъ соборомъ и прибыли въ Бордо, гдѣ ночевали. Отсюда департаментомъ Landes направились въ Баіоннъ. Дорога отъ Бордо до Баіонны безотрадна, пески безъ конца и станціи словно оазисы — все покрыто пылью и пыль эта проникаетъ въ вагоны. Мѣстное населеніе на высокихъ ходуляхъ—иначе нельзя двинуться по сыпучему песку. Отъ Баіонны

до Біаррица—два шага. Здѣсь мы помѣстились въ удобной только что отстроенной гостиницѣ „Maison Gardères“, на самомъ берегу моря.

На другое утро я отдалъ себѣ отчетъ, куда мы попали: мѣстечко небольшое, растительности никакой, но берега прекрасные. Передъ нами Атлантическій океанъ и вѣчный неумолкаемый прибой исполинскихъ волнъ. Три берега для купающихся: Vieux Port, Port Napoleon и Côte des Basques. Мнѣ нельзя было и думать о купаньѣ. Рѣшено было меня отдѣльно отправить въ По, а оттуда въ горы.

Съ страннымъ чувствомъ покинулъ я Біаррицъ и семью, съ которою давно сроднился, а теперь еще болѣе, послѣ стольких дней совмѣстной жизни. Куда я отправлялся, самъ того не вѣдалъ и только сознавалъ, что я боленъ, что мнѣ предстоитъ новое лѣченіе, томительное, однообразное, въ невѣдомой странѣ, среди чужихъ людей и въ полномъ одиночествѣ. Хотя со мною поѣхалъ Ю. Ѳ. Гренингъ, но, пожалуй, лучше было полное одиночество,

чѣмъ подобный спутникъ. Поѣхалъ съ нами и Иванъ Жарковъ. Мы остановились въ По, чтобы тамъ посовѣтоваться съ докторомъ Пиду (Pidoux) и передать ему письмо его друга.

Старая столица Генриха IV, центръ живописнаго Беарна, пріютила насъ въ чистой и просторной гостиницѣ. Помню глубокую, свѣтлую комнату и исправную прислугу, но меня нѣсколько удивило появленіе послѣдней. Вошла очень красивая молодая дѣвушка съ характернымъ головнымъ уборомъ Басковъ и вступила въ разговоръ. „Monsieur est russe?“ сказала она мнѣ, тотчасъ же спросила, что нужно, и начала распоряжаться. На слѣдующій день мы двинулись по указанію доктора Пиду въ горы, въ мѣстечко „Les eaux bonnes“, только что тогда входившее въ славу. Жаль было покидать старое гнѣздо, полное живыхъ, историческихъ воспоминаній!...

O montagnes d'azur! o pays adoré!
Rocs de la Frazona, cirque du Marboré,
Cascades qui tombez des neiges entraînées,
Sources, gaves, ruisseaux, torrents des Pyrénées.

Помню широкую безконечную долину; пирамидальные тополи стройно вытягивались по пути. Горы, покрытыя зеленью, разступались передъ нами на всѣ стороны; рѣка быстро мчалась куда-то въ невѣдомую даль; утренній туманъ поднимался надъ влажною землею; солнце сіяло яркимъ блескомъ, и причудливыя тѣни ложились по скатамъ горъ. Это дивная долина: la vallée d'Ossau—но вотъ все выше и выше подымаются горы, дорога съуживается, и подъемъ становится все замѣтнѣе. Мы прибыли въ мѣстечко, окруженное отовсюду горами и зеленью, мѣсто неширокое и одна только улица. Все было чуждо среди невѣдомыхъ людей. Я прочелъ на одномъ изъ лучшихъ зданій: „Hôtel des Princes“ и рѣшился тутъ остановиться. Это была лучшая гостиница. Обонна. Мы достигли до мѣста назначенія.

У меня была маленькая комната въ одно окно, и я на другой же день началъ лѣченіе. Воды Обонна вкуса тухлыхъ яицъ—до нельзя противны, но я принялся за лѣченіе добросовѣстно и очень скоро почувствовалъ себя обновленнымъ.

Вскорѣ нашли возможнымъ посовѣтовать мнѣ прогулки и не только по окрестностямъ, но и дальше въ горы. Любимая прогулка обитателей Обонна — это такъ называемая Promenade horizontale. Нужно подняться въ гору, чтобы затѣмъ обогнуть ее по чудной и ровной дорожкѣ, откуда во всѣ стороны разстилаются виды — одинъ другого лучше.

Изъ отдаленныхъ поѣздокъ мнѣ особенно памятна поѣздка въ другое лѣчебное мѣстечко „Les eaux chaudes“. Дорога удивительная, змѣйкой огибаетъ горы, покрытыя зеленью. Это уже значительно ближе къ испанской границѣ. Населеніе—Баски, народъ удивительно стройный и изящный. Красный беретъ на крестьянкахъ придаетъ еще больше оживленія смуглой красотѣ лица. Это таинственное племя еще ожидаетъ разгадки своего происхожденія, но что то не чуждое васъ поражаетъ въ характерѣ этого народа.

Когда здоровье мое совершенно окрѣпло, я выѣхалъ обратно въ Біаррицъ, гдѣ засталъ еще сезонъ въ полномъ разгарѣ. Купаніе продол-

жается здѣсь до октября, и это одно изъ главныхъ удобствъ этого берега.

Настолько я поправился, что могъ приступить къ купанію. Въ это время пребывали въ Біаррицѣ Наполеонъ III и императрица Евгенія. Они приковывали всеобщее вниманіе, и Европа прислушивалась тогда къ словамъ счастливаго побѣдителя Маджеты и Сольферино. И у насъ послѣ коронаціи 1856 года онъ входилъ въ моду, хотя съ его стороны уже проявлялись нескрываемыя сочувствія къ Польшѣ и къ начавшемуся тамъ подпольному движенію.

Они поселились на берегу океана въ мѣстности, называемой Villa Eugénie; съ ихъ легкой руки Біаррицъ сдѣлался люднымъ и моднымъ мѣстомъ. И въ Біаррицѣ, какъ и вездѣ, русская колонія оказалась значительною. Развлеченіемъ служилъ бой быковъ въ Баіонѣ, введенный во Франціи императрицей Евгеніей. Появленіе знаменитаго тореадора El Tato сильно всѣхъ привлекало, какъ равно и атлетическое единоборство. Какой-нибудь Dumortier

l'agile Lyonnais боролся съ другимъ силачемъ громаднаго роста, котораго звали le colosse Provençal. Дамы особенно падки на эти зрѣлища. Меня никогда не тянуло къ подобнымъ увеселеніямъ; за-то я нигдѣ за границей такъ не наслаждался, какъ въ Біаррицѣ. Все здѣсь мнѣ казалось полно блеска и очарованія. Послѣ Пиренейскаго заточенья—закипѣла жизнь. Чудное морское купанье ни съ чѣмъ несравнимо. Атлантическая волна выбрасываетъ васъ далеко на берегъ; тутъ же множество знакомыхъ, большое оживленіе и веселіе. Послѣ купанія чувствуется пріятное и здоровое утомленіе, купальщики въ свободное время спятъ на пескѣ подъ палящими лучами солнца. На берегу настоящее гулянье, благородные бродячіе испанцы продаютъ здѣсь плащи и каталонскіе ножи. То и дѣло мелькаютъ красивые береты басковъ, поражающихъ васъ своей осанкой. Вечеромъ Casino. Съ оконъ гостиницы чудный видъ на океанъ, и все время неумолкаемый прибой волнъ. Всѣ мѣстныя названія живо переносятъ въ это дорогое давнопрошед-

шее время. Все мнѣ здѣсь памятно съ тѣхъ дней и все еще живы передо мною: исчезнувшее общество и люди вокругъ, неизмѣнная память дружбы, свѣтлыя грёзы, и все, что плѣняло и увлекало въ семнадцать лѣтъ!

Я помню прогулку въ сѣверную Испанію, поѣздку па Bidassoa, и какъ почему-то мы пили шампанское на Ile des Faisans, гдѣ когда то подписанъ былъ при Людовикѣ XIV знаменитый миръ. Помню и поѣздку въ San-Sebastian через чудный горный проходъ Passage, по которому уже и тогда проходило ferro carril, гостиницу и обѣдъ съ нарядною женскою прислугою, и шоколадъ во всѣхъ видахъ.

Не забыть мнѣ нашей гостиницы въ Біаррицѣ: то былъ красивый каменный домъ, еще тогда недавно отстроенный, считавшійся однимъ изъ лучшихъ въ то время. Семейство принца Ольденбургскаго занимало большее и лучшее помѣщеніе. У меня была небольшая комната въ верхнемъ этажѣ, окномъ на дворъ.

Иногда случалось уходить на plage, тамъ, гдѣ поболѣе камней, гдѣ скалы образуютъ

своеобразное отверстіе и видъ на океанъ изумительный. Здѣсь на свѣжемъ воздухѣ было какъ то особенно хорошо и привольно...

Осень уже наступала не на шутку. Пора было думать объ обратномъ пути. Опять Парижъ—оттуда на Страсбургъ, Баденъ и Штутгардъ. Чтобы не возвращаться тою же дорогой, я отдѣлился отъ принцессы и ея семьи, направляясь прямо на Вѣну. Здѣсь остановился я на нѣсколько дней, но, судя по сохранившимся воспоминаніямъ, Вѣна въ этотъ разъ не произвела на меня сильнаго впечатлѣнія. Гораздо болѣе понравилась мнѣ живописная и родственная Прага. Оттуда черезъ Дрезденъ направились мы въ Берлинъ, гдѣ я дождался пріѣзда принцессы, чтобы вмѣстѣ вернуться на родину.

Опять Кенигсбергъ, опять таможня, опять Твердянскій съ своею безукоризненною дѣловитостью. Глухая осень была уже въ полномъ разгарѣ. Сырость петербургская давала себя чувствовать, но мнѣ уже было не до солнца и не до живописныхъ картинъ. Я радовался

концу путешествія, радовался, что пріѣзжаю домой, что всѣхъ нашелъ здоровыми и что мнѣ предстоитъ еще долго разсказывать Татьянѣ Васильевнѣ о всѣхъ впечатлѣніяхъ только что законченнаго перваго въ жизни моей заграничнаго путешествія.

Изъ всѣхъ впечатлѣній дороги, конечно, самое радостное было то, когда я вновь увидалъ границу русскую и почувствовалъ себя дома.

Такъ прошло все знаменательное для меня лѣто 1861 года. Вернувшись домой, я нашелъ много новаго, словно день 19-го февраля прошелъ гораздо раньше, а въ домѣ нашемъ совершилось знаменательное событіе, явившееся прямымъ послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ. Совершилась радикальная перемѣна въ домашней администраціи. Старые порядки отжили свой вѣкъ. Новое крестьянское положеніе требовало коренной перемѣны въ системѣ управленія.

Въ это время покинулъ дѣла наши Иванъ Ѳеодоровичъ Апрѣлевъ. Конечно, онъ былъ вовсе не пригоденъ къ новой дѣятельности,

къ тому же никогда дѣльцомъ не былъ. Но мнѣ жаль было этой перемѣны, потому что она имѣла послѣдствіемъ отчужденіе Ивана Ѳеодоровича, съ которымъ связывали насъ многіе годы.

Управленіе всѣми имѣніями предложено было князю Ѳеодору Михайловичу Касаткину-Ростовскому.

Онъ считался дальнимъ родственникомъ, потому что по женской линіи былъ прямымъ потомкомъ княгини Екатерины Борисовны Урусовой, дочери фельдмаршала Бориса Петровича. Родъ его захудалъ, и онъ былъ воспитанъ на средства отца, который и помѣстилъ его въ одинъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Позднѣе, по ходатайству Т. В. Шлыковой, онъ былъ назначенъ вторымъ помощникомъ главнаго смотрителя Шереметевскаго Страннопріимнаго дома. Теперь при посредствѣ Анастасіи Павловны Щербининой онъ приглашенъ былъ въ Петербургъ и принялъ сложное и трудное порученіе направить къ лучшему наши дѣла. При-

нялъ онъ это управленіе, хотя условно. Но мы вернемся къ этому немного далѣе.

Одновременно измѣнилось и положеніе всѣхъ служащихъ и даже живущихъ въ домѣ. Оно должно было отразиться на мнѣ.

Воспитаніе мое до сихъ поръ было случайное; хотя меня готовили къ университету, но отсутствіе руководящаго лица, которое бы замѣнило для меня Руже, давало себя чувствовать. Ю. Ѳ. Гренингъ былъ невмѣняемъ.

Между тѣмъ у меня были отличные учителя, о которыхъ вспоминаю съ благодарностью. Таковые были: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ, Григорій Ивановичъ Лапшинъ, а взамѣнъ умершаго М. П. Мосягина — профессоръ Классовскій.

Имя преподавателя физики Ѳедора Ѳедоровича Эвальда для меня особенно дорого. Онъ былъ не только прекраснымъ преподавателемъ, но и педагогомъ, и въ этомъ отношеніи я многимъ обязанъ его внимательному и въ высшей степени добросовѣстному участію. Память его для меня незабвенна.

Г. И. Лапшинъ, преподаватель латинскаго

языка, хорошо извѣстенъ многимъ учащимся поколѣніямъ. Строгость его была неумолима; онъ преподавалъ только зимою, а лѣтомъ его замѣнялъ Генрихъ Карловичъ Шульцъ. Не мало анекдотовъ сохранилось объ обоихъ среди лиценстовъ. Успѣхи мои были слабы и Лапшинъ почти всегда былъ мною недоволенъ. Только подъ конецъ, когда онъ узналъ о внезапной перемѣнѣ направленія, что вмѣсто университета меня направляютъ чрезъ Пажескій корпусъ въ военную службу—онъ выразилъ сожалѣніе, что пройдено было все скучное, а предстояли болѣе благодарныя занятія. Онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ и И. В. Помяловскій совершенно правъ, опредѣливъ его въ своемъ краткомъ некрологѣ „anima candida".

В. М. Классовскій читалъ мнѣ только въ послѣднее время; это былъ человѣкъ обаятельный, и я многимъ обязанъ краткому съ нимъ знакомству. Но онъ явился какъ разъ въ то время, когда мысли еще бродили и многое еще не опредѣлилось. Классовскій далъ мнѣ послѣдній рѣшительный отрезвляющій толчокъ.

Языки дались мнѣ легко. Пострадалъ только англійскій, за недостаткомъ практики. Для оживленія забытаго приглашенъ былъ Ѳома Шау (Thomas Schaw). Это былъ любопытнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, составитель книги „Outlines of English Litterature", чудакъ и оригиналъ большой руки. Къ сожалѣнію, онъ скоро умеръ, и занятія по англійской литературѣ преждевременно прекратились.

По-французски говорилъ я свободно, благодаря сожительству съ Руже; но и послѣ него у меня былъ рядъ учителей весьма хорошихъ, между которыми лучшимъ былъ, конечно, представительный и изящный Alfred Bougeault, преподаватель въ Лицеѣ—переводчикъ Крылова и авторъ многихъ книгъ по языковѣдѣнію. Но онъ вернулся на родину и былъ замѣненъ нѣкіемъ Edmond Pommier, у котораго когда-то была исторія въ Лицеѣ съ императоромъ Николаемъ, за что онъ и былъ удаленъ; теперь же снова занялъ онъ прежнее мѣсто. Въ послѣдніе годы мнѣ преподавалъ нѣкій Levrier, который увѣрялъ, что настоящая его фамилія

Maulevrier marquis de Florimont. Помню еще француза, который приходилъ для разговорной практики, но безъ особенной пользы. Полуобрусѣвшій — онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства и очень нуждался въ средствахъ. То былъ Malaquin, человѣкъ добрый и безобидный, но нѣсколько сумбурный.

Исторія и географія, первоначальные уроки которыхъ давалъ мнѣ Руже, преподавались разными лицами. Нѣкоторое время со мною занимался родственникъ Э. И. Рейнгольда нѣкто Флейшманъ, но какъ-то сонно и безжизненно. Предметъ этотъ былъ всегда для меня любимымъ. Впрочемъ Русскую Исторію читалъ Мосягинъ, а въ послѣдующіе годы преподавалъ общую исторію И. И. Григоровичъ. Это было уже въ шестидесятыхъ годахъ и послѣ освобожденія крестьянъ. Григоровичъ преподавалъ хорошо и занимательно, но не всегда бывалъ цензуренъ и мимоходомъ допускалъ отступленія. На меня эти отступленія произвели обратное впечатлѣніе. Впрочемъ, все это было скорѣе

легкомысленно, всё же Григоровичъ былъ добрякъ и внушалъ сочувствіе.

Когда меня рѣшительно направили въ военную службу, то явились и новые военные преподаватели. Типъ этотъ былъ мнѣ не всегда пріятенъ. Меня учили фортификаціи, артиллеріи, тактикѣ, химіи, топографіи, законовѣдѣнію. Добрую память оставилъ по себѣ Я. И. Дружининъ; но одинъ изъ преподавателей былъ какой-то жуиръ и практикъ въ тоже время, другой имѣлъ видъ бурбона, третій былъ влюбленъ въ Деверію и былъ преслѣдуемъ ревностью своей жены, которая даже явилась къ намъ въ домъ за объясненіемъ во время урока.

Изъ всѣхъ этихъ военныхъ наукъ только тактика мнѣ показалась занимательна, можетъ быть потому, что мнѣ нравился типъ читавшаго мнѣ офицера генеральнаго штаба, литвина Oskierko, съ большими чисто-польскими усами и съ французскою болтовней. Все же онъ умѣлъ придать и жизнь, и интересъ тому, что читалъ.

Однажды во время его урока зашелъ ко мнѣ

отецъ и познакомился съ нимъ. Oskierko съ мѣста пустился въ разговоры, коснулся своего предмета и очень живо и ловко разсказалъ одинъ тактическій примѣръ, который заинтересовалъ отца. Сразу онъ ему понравился какъ типъ, напоминавшій ему Варшаву и польскій походъ 1830 года. Я всегда замѣчалъ, что отецъ, хотя и коренной русакъ, но не имѣлъ враждебнаго чувства къ полякамъ и, зная ихъ недостатки, добродушно сознавался, что они всегда умѣли его подкупить какою-то щегольскою развязностью и изяществомъ. Ему нравилась и Варшава. Законовѣдѣніе преподавалось мнѣ слегка и съ высоты величія; причемъ съ ироніею читалась первая статья законовъ: „повиноваться его волѣ не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“.

Но ужъ если говорить о типахъ, то выше, полнѣе, совершеннѣе типа трудно было прибрать моего послѣдняго преподавателя географіи М. П. Бѣлохи. Хохолъ отъ головы до пятъ, подслѣповатый, съ клокомъ сѣдыхъ распущенныхъ волосъ, до-нельзя неопрятный—это былъ

въ высшей степени хорошій человѣкъ и даровитый, добросовѣстный преподаватель. Всего меньше занимался онъ со мною своимъ предметомъ — но заставлялъ работать и думать, иногда увлекаясь въ сторону, но никогда не теряя общей нити. За нимъ не легко было слѣдить, и я довольно поздно сообразилъ, что онъ сворачиваетъ на политическую экономію, и тогда только его уроки стали особенно занимательны.

Нѣмецкому языку я научился, говоря постоянно съ Ю. Ѳ. Гренингомъ, но объ литературѣ не могло быть и рѣчи. Впослѣдствіи сдѣлана была проба, и приглашенъ былъ нѣкій господинъ Бушъ. Училъ онъ недолго, былъ мраченъ, молчаливъ и глубокомысленъ до „провала“. Мы скоро съ нимъ разстались.

До 1860 года протоіерей Сперанскій не разъ ѣзжалъ по службѣ за границу; на время отсутствія, его замѣнялъ Сvмеоновскій священникъ В. И. Барсовъ, духовникъ Т. В. Шлыковой, тотъ самый, что вѣнчалъ отца. Онъ приходился Сперанскому свояком, они

были женаты на двухъ сестрахъ. До самаго моего производства въ офицеры П. А. Сперанскій продолжалъ заниматься со мною, хотя, къ великому моему сожалѣнію, никогда не касался исторіи церкви, и этотъ пробѣлъ былъ ощутителенъ. Тѣмъ не менѣе уроки его были всегда содержательны, и между нами установились прочныя отношенія, которыя ничѣмъ не могли быть поколеблены.

Зима 1861—1862 гг. была оживленная, но далеко не благополучная ни съ точки зрѣнія общественной, ни домашней. Извѣстныя политическія событія, безпорядки и протесты толковались различно и вызывали оживленные толки. Въ домѣ у насъ также было тревожно...

Г. С. Ш.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

З.

И.

І.

К.

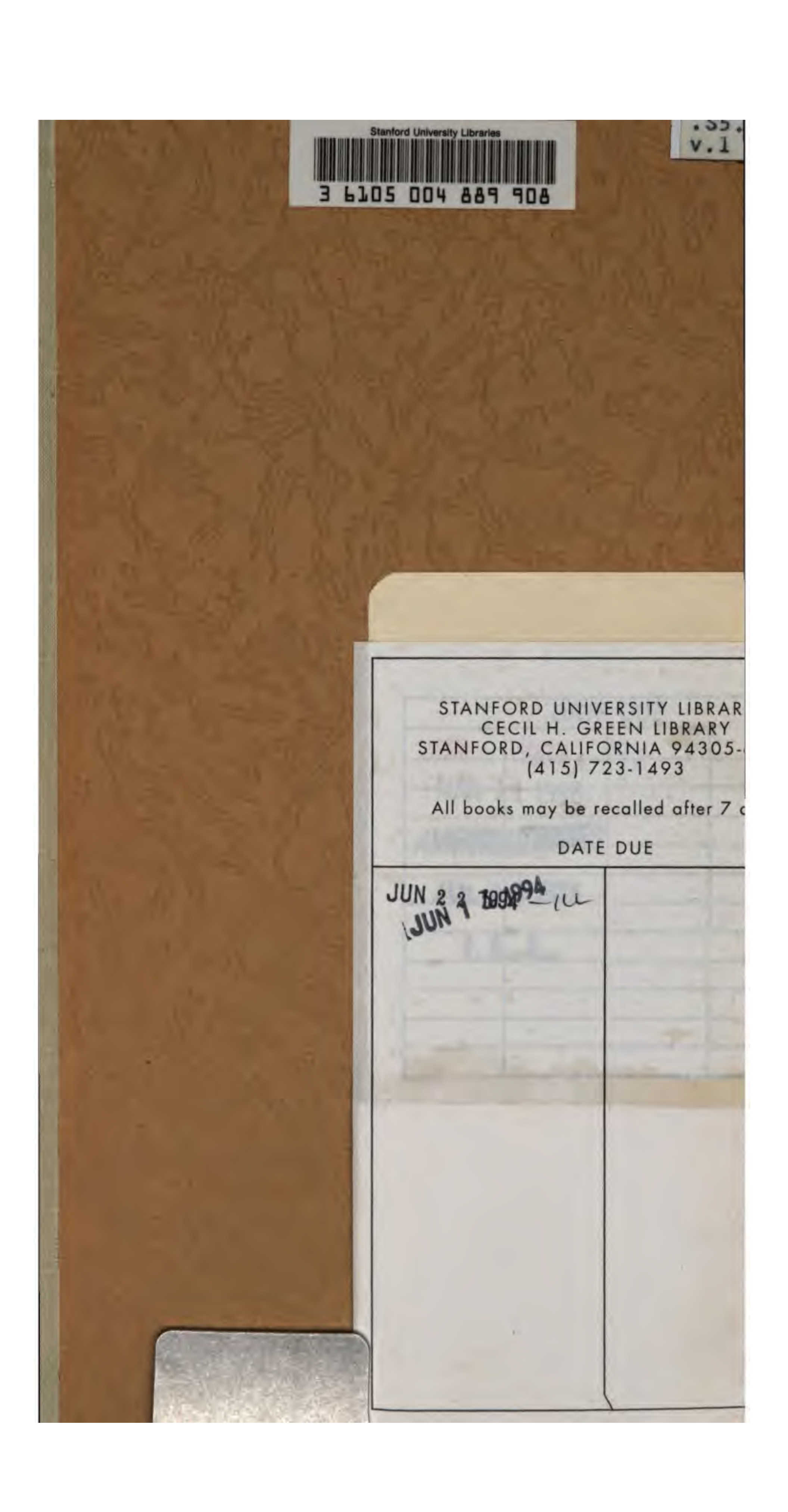
Л.

М.

Н.

О.

П.

Stanford University Libraries
3 6105 004 889 908
v.1
STANFORD UNIVERSITY LIBRAR
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7
DATE DUE
JUN 2 2 1994
JUN 1 1994

